

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»

Кафедра библейско-богословских дисциплин

диакон Евгений Николаевич Дудин

**СПЕЦИФИКА ИЗЛОЖЕНИЯ ПРИТЧ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ЛУКИ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИТЧ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ
В ТРОЙНОЙ ТРАДИЦИИ**

Выпускная квалификационная работа
Бакалаврская работа

Направление подготовки
«Подготовка служителей и религиозного персонала
религиозных организаций»

Направленность(профиль)
«Подготовка служителей и религиозного персонала
православного вероисповедания»

Новокузнецк
2019

Работа выполнена на кафедре библейско-богословских дисциплин Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

Научный руководитель – кандидат богословия, иеромонах Андрей (Чудинов)
[ученая степень] [сан Имя] Фамилия [Имя Отчество]

Официальный рецензент – _____
[ученая степень] [сан Имя] Фамилия [Имя Отчество]

Работа допускается к защите

Заведующий кафедрой _____ / канд. бог., иером. Андрей (Чудинов)
подпись [ученая степень] [сан Имя] Фамилия [И.О.]

«__» _____ 201__ года

Защита состоится «__» _____ 201__ года

Оценка защиты выпускной квалификационной работы
Аттестационной комиссией « _____ »
оценка

Председатель АК _____ / _____
подпись [ученая степень, сан Имя] Фамилия [И.О.]

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Притчи в Священном Писании Нового Завета	11
1.1. Притчи. Их роль и значение в евангельском повествовании	11
1.2. Специфические особенности притч. Их отличие от других жанров	13
1.3. Типологизация притч	15
1.4. Синоптическая проблема.....	17
Глава 2. Общие богословские особенности Евангелия от Луки.....	22
2.1. Эсхатология в Евангелии от Луки	22
2.2. Роль Святого Духа в домостроительстве нашего спасения по евангелисту Луке	24
2.3. Учение о морали в Евангелии от Луки.....	24
2.4. Учение о молитве в Евангелии от Луки	26
2.5. Эсхатологическая мотивация в Евангелии от Луки	27
Глава 3. Особенности притч Спасителя, изложенных в Евангелии от Луки, относительно притч, представленных в тройной традиции.....	31
3.1. Притча о свече под спудом	31
3.2. Притча о ветхой одежде и заплате, о старых мехах и новом вине	33
3.3. Притча о сеятеле.....	36
3.4. Притча о горчичном зерне	46
3.5. Притча о закваске	49
3.6. Притча о злых виноградарях	56
3.7. Притча о смоковнице.....	64
Заключение	73
Библиографический список.....	76
Приложения	79

Введение

Библия – результат не только действия Святого Духа, но также результат разнообразнейших и богатейших литературных поисков, которые велись на протяжении двух тысячелетий¹. Главная особенность этого уникального собрания в исключительном разнообразии литературных форм. Отчего же зависит выбор того или иного жанра? Основоположник критики жанровых форм – Иоганн Фридрих Герман Гункель дает обоснование принципам, которые легли в основу его классификации Библии по жанрам. «Это общность идей и тематики, особенности тех или иных стилистических и синтаксических форм, явная однородность лексического выбора и, конечно, общность географическая, хронологическая, образа жизни – вот те факторы, от которых зависит выбор того или иного жанра»². В настоящий момент классификация литературных жанров Библии весьма хорошо разработана на Западе. Здесь огромную роль сыграло обсуждение проблемы жанров на II Ватиканском соборе. Постановления, принятые на этом соборе, были изложены в догматической конституции «Dei Verbum»³. Действительно, истина излагается и выражается по-разному и различными способами в текстах исторических, пророческих, поэтических или в других речевых жанрах. Поэтому нужно, чтобы толкователь исследовал смысл, который священнописатель хотел выразить и выразил в определенных обстоятельствах, соответственно условиям своего времени и своей культуры, посредством употреблявшихся в его время литературных жанров. Ведь для правильного понимания того, что священный автор хотел утверждать своим писанием, нужно обратить должное внимание как на привычные, прирожденные способы восприятия, изъяснения и повествования, бытовавшие во времена агиографа, так и на те, что в эту эпоху повсеместно

¹ Мануччи В. Библия – Слово Божие. – М.: Элита-Арт, 1996. – С. 99.

² Там же. С.100.

³ Догматическая конституция о Божественном Откровении «Dei Verbum» //Документы II Ватиканского собора. М.: Paoline, 2004. С. 291-292.

употреблялись в общении людей друг с другом.

Валерио Маннучи приводит несколько различных классификаций литературных жанров Священного Писания:

Луис Алонсо Шекель предлагает классификацию библейских текстов по следующим жанрам:

1. народная поэзия (например, песни любви или победы, благословения и проклятия, загадки, клятвы и т.п.);
2. официальная проза (Декалог, вероисповедные символы, судебские законы, генеалогии, письма);
3. художественное повествование (летописи, хроники, воспоминания о событиях и фактах истории, авторские повествования);
4. пророческая литература (прорицания, видения, сны);
5. жанр премудрости (разнообразные притчи и наставления)¹.

Что же касается Нового Завета, то, например, Х. Циммерман предлагает такую классификацию:

1. Евангелия синоптические, которые в свою очередь подразделяются на две группы: а) традицию слова (пророчества, премудрости, параболы и аллегории, рассказ от первого лица, собрания притч); б) традицию историческую (парадигмы, диспуты, рассказы о чудесах, исторические рассказы).

2. Послания, которые подразделяются на: а) литургический материал (гимны, евхаристические тексты); б) увещания и порицания (перечни добродетелей и грехов, семейных обязанностей); в) формулы (прославление Господа во Славе и в Своей Церкви).

3. Деяния святых апостолов рассценивает как исключительное и неповторимое в своем роде произведение, часто рассматриваемое как единое и неделимое целое с Евангелием от Луки.

4. Откровение апостола Иоанна Богослова относит к жанру

¹ Цит. по: Мануччи В. Указ. соч. С.101.

христианской апокалиптической литературы, присущему как более ранним, ветхозаветным эсхатологическим текстам, так и синоптическим евангелиям и апокрифическим апокалипсисам.

5. Евангелия детства, которым относят первые главы канонических евангелий от Матфея и Луки, а также Протоевангелие Иакова. в которых присутствуют такие жанры как генеалогия, схематический план Благовещения.

6. Евангелие от Иоанна – хотя может и должно считаться таким же евангелием, как другие, оно, тем не менее, преследует свою собственную цель, которая на первый план выдвигает непреложный вечный авторитет Спасителя, прославляет Логос, сошедший на землю, чтобы обитать среди нас и раскрыть нам тайный смысл спасительной истории нашего прошлого¹.

Все ранее изложенное имеет прямое отношение к теме нашего исследования, потому что вопрос о жанровом многообразии Священного Писания вплотную соприкасается с вопросом о жанровой форме перикоп (то есть совокупности фрагментов текста, объединенных одним смыслом, сюжетом или богословской идеей или, в славянской версии, зачал). Рудольф Бультман делит весь евангельский материал по жанровым признакам на две группы – включающие повествовательную рамку апофтегмы (в классической филологии апофтегмами называются изречения, обрамляемые кратким повествованием) и собственно слова Господни, которые сами по себе были или «могли быть» самостоятельными элементами традиции.

Среди слов Господних Бультман выделяет следующие жанровые формы: а) речения мудрости – жанровая форма известная также и у евреев. У синоптиков сюда относятся различные пословичные речения. Например, «от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34), «где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24:28) и другие места, подобные этим. Сюда же, в частности,

¹ Мануччи В. Указ. соч. С.102-103.

относятся правила, излагающие поведения за столом (Лк. 14:7-11)¹. Очень близко к этой жанровой форме примыкает б) жанр притч. Сложность состоит в том, что не всегда можно с уверенностью, сказать к какому, из двух жанров относится та или иная логия (изречение) Иисуса Христа. Отчасти эта сложность объясняется тем, что в данном контексте это может означать как притчу, так и приточную поговорку. В книге премудрости Иисуса, сына Сирахова оба эти значения встречаются вместе не один раз, например: «Душа твоя покрыла землю, и Ты наполнил ее пословицами и притчами» (Сир. 47:17), «будут исследовать сокровенный смысл изречений и заниматься загадками притчей» (Сир. 39:3)².

Сергей Владимирович Лёзов отмечает, что в доталмудической еврейской литературе «речения мудрости» собраны, например, в книгах Притчей Соломона и Иисуса, сына Сирахова. Классический пример этого жанра в ранней раввинистической литературе – трактат Авот, включенный в Мишну³. Последний трактат особенно интересен для нас, поскольку он содержит краткие изречения, характеризующие мировоззрение древнейших раввинистических авторитетов с Симеона Праведного (III век до Р.Х.) и до начала составления Мишны (нач. III в. по Р.Х.). Протоиерей Леонид Грилихес в своей статье указывает некоторые поучения из этого памятника иудаизма рубежа эпох, которые, по его мнению, могли бы помочь исследователю расслышать, как звучала та или иная притча устах Христа⁴.

По Бультману, пророческие и апокалиптические слова являются центральными для исторического Иисуса. К этим, словам он относит, например, т.н. макаризмы (заповеди блаженства, т.е. перечень тех, на ком пребывает Божье благословение): «Эти слова отличает сжатость и

¹ Цит. по: Лёзов С.В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. – М.-СПб.: Университетская книга, 1998. – С.116.

² Тренч, архиеп. Толкование притчей Господа нашего Иисуса Христа. – М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1880. – С.7.

³ Лёзов С.В. Указ. соч. С.116.

⁴ Грилихес Л., прот. Евангельские притчи и вне библейские языковые данные. – М.: Альфа и Омега, 2002. – С. 19-26.

жестокость формулировок – черты, напоминающие старых пророков, но не имеющие параллелей в современной Иисусу апокалиптике. Очевидно, что перед нами не типичные плоды апокалиптической фантазии, а оригинальные слова пророческой личности»¹.

Именно среди этой группы слов Бультман видит наибольшую вероятность встретить подлинные слова Иисуса. Еще одной группой слов, выделяемых в отдельный жанр, исследователь называет слова закона. К ним относятся критические высказывания Иисуса Христа о еврейском законе и о том типе благочестия, которое видело смысл служения Богу в строгом исполнении религиозных предписаний.

Наконец, Бультман указывает на речения от первого лица. Причем только слова «если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» (Лк. 11:20) он приписывает собственно Иисусу Христу, а остальные места, где Спаситель говорит от первого лица, он считает продуктом творчества палестинской общины и эллинистических общин².

Как мы видим, евангелия представляют собой сложный текст. Являясь, сами по себе жанром новозаветной литературы, сами они состоят из блоков – перикоп, которые в свою очередь являются жанром или относятся к тому или иному жанру.

Если проблему рассматривать в несколько иной плоскости, то нелишне отметить, что Священное Писание представляет собой не просто литературное произведение, оно являет собой истинное Слово Божие к человеку и как таковое является высказыванием. Использование языка всегда осуществляется в форме единичных конкретных высказываний. Та область в которой мы пользуемся языком, конечно же влияет на выбор высказываний и вырабатывает их устойчивые (хотя и разнообразные) типы, которые

¹ Цит. по: Лёзов С.В. Указ. соч. С.117-118.

² Там же. С.116-120.

Михаил Михайлович Бахтин называл речевыми жанрами¹. С одной стороны, Священное Писание является единым высказыванием Бога (по Бахтину – вторичным), а с другой, содержит первичные высказывания (например, логики). «Взаимоотношение первичных и вторичных жанров проливает свет на природу высказывания»².

Универсальный характер и практическая значимость притч обусловлено тем, что «Иисус говорит о простых и повседневных вещах: рыбной ловле, земледелии, домашнем быте. Но всем становится понятно, что на самом деле он не сообщает информацию о каких-то конкретных сеятелях, виноградарях или рыбаках, но доносит с помощью этих историй некие важные духовные истины до Своей аудитории. Выяснить, где именно и когда именно сеял сеятель, будет просто нелепо – конкретно такой случай, возможно, не происходил нигде и никогда, но нечто подобное происходит постоянно и повсеместно»³.

Возвращаясь к нашей теме, можно сказать, что изучение, например, притчей в евангелиях позволит понять значительно глубже и полнее Слово Божие в целом. По словам митрополита Илариона (Алфеева) «притчи обладают особым свойством: они никогда не устаревают. Будучи изначально адресованы конкретным людям, жившим в определенный исторический период, притчи Иисуса сохраняют актуальность для всех последующих поколений»⁴. В этом заключается **актуальность** данной выпускной квалификационной работы.

Объектом исследования являются повествования святых евангелистов синоптиков.

Предметом работы являются богословские особенности притч в изложении апостола Луки в сравнении с подобными повествованиями других

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. – М.: Русские словари, 1996. – С.241.

² Там же. С.241.

³ Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. – М.: ПСТГУ, 2011. – С.58.

⁴ Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение: В 6 кн. Кн. 4: Притчи Иисуса. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. – С.37-38.

синоптиков.

Целью настоящей работы является выделение главных богословских особенностей притч Господа нашего Иисуса Христа в Евангелии от Луки из притч, представленных в синоптической традиции.

В соответствии с заданной целью определены следующие **задачи** исследования:

1. Изучить явление притч в Священном Писании Нового Завета как особый жанр повествования.
2. Выявить общие богословские особенности в Евангелии от Луки, имеющие влияние на изложение притч.
3. Проанализировать богословские особенности притч в Евангелии от Луки относительно аналогичных притч, представленных в тройной традиции.

При этом мы априори полагаем, что эти богословские особенности должны коррелировать с особенностями изложения евангельских событий по благовестованию Луки, во-первых, и с теологией самого апостола (которой и обусловлено повествование Евангелия), во-вторых, важным моментом для изучения теологии апостола Луки является размещение приточного материала в его Евангелии. Поскольку богословские особенности притч Спасителя по евангелисту Луке невозможно будет установить без тщательного экзегетического анализа самих притч, то в работе будет уделено большое внимание толкованию приточного материала евангелий.

Работа по своей **структуре** состоит из введения, трех основных глав, заключения, списка литературы и приложений. В первой главе исследуются притчи как явление в Священном Писании Нового Завета в целом. Вторая глава представляет собой разбор общих богословских особенностей Евангелия от Луки. Третья глава посвящена анализу богословских особенностей притч в Евангелии от Луки, относительно притч, представленных в тройной традиции. В заключении подведены общие итоги

исследования. В приложении помещены тексты притч евангелистов синоптиков.

Источники и методология. В работе будет использован синодальный текст Священного Писания, если не будет оговорено использование других вариантов перевода текста. Для проведения эзегетического богословского анализа будут использованы труды как восточных, так и западных богословов. В данной работе будут использованы притчи Господа в изложении апостола Луки в свете притч, изложенных в тройной синоптической традиции. Выбор данного Евангелия в первую очередь обусловлен тем, что «Евангелие от Луки самое изящное с литературной точки зрения. Библейский параллелизм, ярким примером которого являются синоптические евангелия, помогают нам лучше понять разные страницы Нового Завета»¹.

Евангелие от Иоанна не будет затронуто по причине того, что в нем по преимуществу притчи имеют форму развернутых метафор, что не позволяет провести нам полноценный сравнительный литературный анализ двух библейских отрывков по тем же принципам, которые возможны в сопоставлении с изложением апостолов Марка и Матфея. Аналогичному принципу, например, придерживается митрополит Иларион (Алфеев) в своей книге «Иисус Христос. Жизнь и учение».

В выпускной квалификационной работе будут использованы следующие методы исследования: анализ текста письменных источников, сравнительный анализ, обобщение.

¹ Десницкий А.С. Поэтика библейского параллелизма. – М.: ББИ, 2007. – С.479.

Глава 1. Притчи в Священном Писании Нового Завета

1.1. Притчи. Их роль и значение в евангельском повествовании

Слово «притча» обозначает в основном сравнение или параллель, в которой одна вещь использована для иллюстрации другой.

Обычно этот образ берут из сферы реального, или рационального, или используется какой-либо возможный случай в порядке выражения идеального, или духовного, или небесного смысла. Таким образом притча в какой-то мере подобна загадке.

Притча выражает какую-либо вещь, но обозначает одновременно этим что-нибудь еще. И, таким образом, имеет ясную и темную стороны. Назначение же притчи – возбудить любопытство, а разрешение притчи требует смекалки слушателя: «Имеющие уши слышать да слышат» (Мф. 13:9). Архиепископ Тренч указывает, что греческий термин «притча» происходит от глагола «предбрасывать, подбрасывать, выставить одну вещь перед или возле другой, причем этим сопоставлением часто предполагается намерение сравнить их»¹. Такую же сводку значений дает и словарь Вейсмана². Что же касается применения этого слова священнописателями Нового Завета, то «притча» встречается в тексте около 60-ти раз. При этом С.В. Лёзов выделяет семь различных значений слова «притча» в греческом тексте Нового Завета³. Аналогично и еврейское слово «притча» также имеет в библейской литературе больше десяти значений. На основании этого С.В. Лёзов делает заключение о невозможности выведения признаков притчи как литературного жанра христианской традиции и значения соответствующих слов в наших литературных памятниках⁴. Возникновение еврейского слова не известно, но если ассоциировать его с ассирийским, арабским аналогом, то можно видеть, что корень этих слов близок по значению к словам

¹ Тренч, архиеп. Указ. соч. С.1.

² Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 2006. – С.633.

³ Лёзов С.В. Указ. соч. С.121.

⁴ Там же. С.121.

«сходство» и «подобие». Но это будет «подобие», которое содержит рассудительность, и также включает «максимы» или общие утверждения, относящиеся к поведению. Цицерон передает это слово через *collatio*, сличение; Сенека – через *imago*, образ; а Квинтилиан через *similitudo*, подобие¹. Замечено, что апостол и евангелист Иоанн не употребляет «притча», а синоптики не используют «пословица», Подобие и абстракции входят в идеи языка, но могут быть различны и противопоставляться как тело и душа/дух. Здесь мы не будем более детально обсуждать вопрос происхождения жанра притч у различных народов. Это не входит в рамки настоящей работы. Сказанного достаточно, для того чтобы понять, насколько сложным является жанр притч. Перейдем теперь к рассмотрению этого жанра в контексте Священного Писания Нового Завета.

Как мы уже говорили, под притчами понимается целая группа жанровых форм библейской и, более поздней, талмудической литературы: от берахотов (правил молитв) до аллегорий, загадок, пословиц и насмешливых поговорок – дразнилок². Интересно отметить, что в современной экзегезе часто и некоторые действия, описания в евангелиях, называется «притчами в действии». Сюда относят, например, тему общения Иисуса Христа с людьми, которые не соблюдали постановлений Торы. Это сборщики податей, блудницы и просто непоименованные грешники. Основания для подобного названия некоторые видят в Иез.24:3: «и произнеси на мятежный дом притчу, и скажи им: так говорит Господь Бог: поставь котел, поставь и налей в него воды». Т.е. действия пророка Иезекииля названы притчей. Такие и подобные действия пророков можно назвать квази-неправильными действиями, потому что за их кажущейся вопиющей «неправильностью», с точки зрения окружающего народа, стоит глубокое пророческое прозрение, за одной вещью скрывается другая.

¹ Тренч, архиеп. Указ. соч. С.1.

² Лёзов С.В. Указ. соч. С.120.

1.2. Специфические особенности притч. Их отличие от других жанров

Рассуждая о притчах Господа нашего Иисуса Христа на страницах своей известной книги «Провозвестие Иисуса», Иоахим Иеремиас говорит: «Во всей между-заветной литературе древнего иудаизма, у Иессеев, у Павла, в раввинистической литературе нет ничего, что можно было бы сравнить с притчами Иисуса. Различие обнаруживается уже в том, что некоторые разновидности мешалим у Иисуса вообще отсутствуют. Так, например, в ессеиском апокрифе книги Бытия мы находим басню, в которой пальма (Сарра) просит о том, чтобы пощадили кедр (Авраама); эта басня продолжает ряд сказочных ветхозаветных сюжетов с растениями в качестве действующих лиц, в которых кедр, маслина, смоковница, виноградная лоза, ежевичный куст и чертополох ведут себя наподобие человеческих существ: у Иисуса мы не находим никаких басен; смоковница и виноградная лоза у него не говорят»¹.

Архиепископ Тренч, описывая различия между притчами и баснями, говорит следующее: «В основе притчи полагается духовная, небесная истина, – чего совершенно нельзя сказать о басне. Басня ограничивается житейскими опытами и не отрешается от земли. Она не переходит за пределы простого нравоучения, имеющего предметом практическую мудрость, осторожность, предусмотрительность и т. п., и, жертвуя всем для этой цели, предпочитает ее вышей доблести и самоотвержению. Она не возвышается над обыденною, житейскою мудростью и считает своим высшим идеалом лишь то, что может понять или одобрить мир. Поэтому она не имеет места в Писании и, по существу дела не может иметь»². Далее Иеремиас продолжает: «В эфиопской книге Еноха можно прочесть очерк истории Израиля в форме пространной аллегии со зверями; Иисус хотя и пользовался довольно часто общепринятыми, имеющими по большей части ветхозаветное

¹ Иеремиас И. Богословие Нового Завета. Провозвестие Иисуса. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – С.46-47.

² Тренч, архиеп. Указ. соч. С.2-3.

происхождение и всем известными в те времена метафорами, но к аллегориями не прибегал»¹. Однако, по мнению Д. Д. Данна, более сбалансированное суждение будет выглядеть следующим образом: «Аллегория (аллегорический экзегезис) встречается, но редко, причем в форме, заметно отличающейся от аллегорий Филона. Вполне подходящими примерами могут служить только 1Кор.10:1-4, Гал.4:22-31 и, пожалуй, 2Кор.3:7-18»².

Впрочем, Д.Д. Данн ведет речь все же скорее об аллегорической трактовке Ветхого Завета в Новом. Цитировавшийся выше архиепископ Тренч видит различие притчи и аллегии скорее в форме, чем в сущности: «В аллегии объясняющий и объясняемый предметы сливаются, качества и свойства одного приписываются другому, тогда как притче они постоянно сохраняют свои отличительные свойства и лишь сопоставляются один возле другого. Аллегория должна быть ясна без толкования, извне приносимого, которое более или менее нужно для притчи, ибо аллегория объясняется сама собою и смысл ее вместе с ней развивается последовательно»³. В вышедшей в 1888 году книге, Адольф Юлихер показал, что притчи Спасителя в синоптических евангелиях подверглись радикальному переосмыслению посредством аллегорического метода интерпретации⁴. Результатом подобного процесса стало изменение как структуры, так и коммуникативной функции притч. «Согласно распространенному в экзегезе XX века мнению, в провозвестии Иисуса притчи, основанные на развертывании образа, представляли собой «речевые события» которые вовлекали слушателя в определенную ситуацию, то есть в ситуацию принятия или отвержения вести Иисуса о том, что «срок исполнился», «Божье Царство близко». А в

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.47.

² Данн Д.Д. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства. – М.: Изд-во ББИ, 2009. – С.129.

³ Тренч, архиеп. Указ. соч. С.9.

⁴ Юлихер А. Религия Иисуса и начало христианства до Никейского Собора. – М.: АСТ, 2001. – С.68.

раннехристианской традиции появилось новое место «в жизни» для притч они стали использоваться как назидательные истории, многие из них приобрели аллегорическое толкование. Эсхатологический смысл был заменен моральным или вероучительным, «речевое событие» – аллегорической «мудростью»¹. Тот же автор говорит о том, что современные ему исследователи полагают, что все аллегорические толкования, включенные в синоптическую традицию возникли в раннехристианской традиции или же были созданы самими евангелистами².

Несмотря на то, что Иеремиас признает принадлежность притч первичному слою предания³, тем не менее в своей книге «Притчи Иисуса», он дает анализ процесса аллегоризации притч в евангелиях и, в частности, показывает, как аллегорические черты проникали в текст самих притч, зачастую меняя их смысл и «место жизни» в евангельском повествовании.

1.3. Типологизация притч

Наконец, прежде чем мы перейдем к рассмотрению синоптической проблемы, остановимся на типологизации притч в евангелиях, опираясь на изложение, данное в книге «История и герменевтика в изучении Нового Завета» С.В. Лёзова⁴. Упомянувшийся уже А. Юлихер выделяет три основных типа евангельских притч: «притча в узком смысле слова»; «парабола» или «притчевое повествование»; «повествование – образец»⁵. Р. Бультман предлагает более подробную классификацию. Он дополняет классификацию Юлихера анализом «малых» жанровых форм образной речи в синоптической традиции: образных выражений (напр., Мк. 2:17), метафор (напр., Мф. 7:13; Лк. 9:62) и сравнений (напр., Мф. 24:27). По Бультману именно образные выражения и сравнения в процессе развития и дают нам притчи, которые мы имеем в евангельских повествованиях. Различие между

¹ Лёзов С. В. Указ. соч. С.122.

² Там же. С.122.

³ Иеремиас И. Указ. соч. С.47.

⁴ Лёзов С.В. Указ. соч. С.124-125.

⁵ Юлихер А. Указ. соч. С.68.

первыми и последними состоит в большей проработке образов в притчах. В соответствии с таким взглядом, Бультман предлагает делить притчи по происхождению: по происхождению из образного выражения или из сравнения. При этом различия в форме сводятся, по существу, к наличию или отсутствию союзной связи «как..., так». В качестве примеров притч, возникших из развертывания образных выражений, Р.Бультман предлагает притчи о «рабе, пасущем или пашущем» (Лк. 17:7-10), о ночном воре (Лк. 12:39-40), о верном домоуправителе (Лк. 12:42-46). Из сравнений, по мнению Бультмана, выросли притчи о детях на улице (Мф. 11:16-19), о сокровище, зарытом в поле (Мф. 13:44), о драгоценной жемчужине (Мф. 13:45-46), о неводе (Мф. 13:47-50), о смоковнице (Мк. 13:28-29), о бодрствующем привратнике (Мк. 13:33-37), о потерянной овце (Лк. 15:4-7), о потерянной драхме (Лк. 15:8-9). Для всех этих притч характерно, что образ, на котором строятся эти притчи, указывает на обычное поведение в стандартной ситуации.

Параболами называют такие образные повествования, где «означающее» развертывается в целую историю, сюжетом которой часто становится какое-нибудь странное и даже шокирующее происшествие. К параболам относятся, например, следующие притчи: о блудном сыне (Лк. 15:11-32), о неправедном судье (Лк. 18:2-5), о неверном домоправителе (Лк. 16:1-8)¹. В евангельских повествованиях вообще не редка форма парадокса. Большое количество мест, подтверждающих это приводит Иоахим Иеремиас в цитированной уже работе. Он, в частности, говорит: «С точки здравого смысла все Евангелие – это один сплошной парадокс, когда возвещают о Боге, Который призывает грешников, а не праведников (Мк. 2:17), Который молитву нечестивца слышит, а благочестивого – нет (Лк. 18:14), Который об одном готовом покаяться грешнике радуется больше, чем о девяноста девяти праведниках (Лк. 15:7). То, что здравому смыслу представляется абсурдом,

¹ Лёзов С.В. Указ. соч. С.126-127.

для учеников Иисуса – реальность которой они живут»¹. Оба рассмотренных типа новозаветных притч объединяет одна существенная деталь – основание для сравнения «означающего» (формальной стороны образа) с «означаемым» (содержательной стороной образа), их общий признак.

«Повествование – образец» отличается, по Бультману, от «притчи в узком смысле» и от параболы тем, что в нем отсутствуют признаки образности, хотя налицо и сходство с параболой. В этом типе притч нет многоплановости, в нем отсутствует сравнение вообще; форма представляет собой демонстрационную модель правильного поведения. К указанному разряду исследователи относят притч: о милосердном самарянине (Лк. 10:29-37), о богатом купце (Лк. 12:16-21), о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31) и о фарисее и сборщике податей (Лк. 18:9-14)².

1.4. Синоптическая проблема

После того, как был выполнен анализ в целом ситуации с притчами в Евангелии, мы перейдем к рассмотрению синоптической проблемы. Это тем более важно для нас, потому что «комплексный анализ евангелий как целостных литературных произведений позволяет понять концепции евангелистов, а понимание идей и замысла евангелиста дает возможность глубже интерпретировать смысл отдельной притчи внутри изучаемого Евангелия. Для выявления содержательной специфики каждого из евангелий сопоставляются имеющиеся в них редакции одной и той же притчи. Так характерные черты Матфея проявляются и в том, как он отредактировал притчи, взятые им из Марка»³.

Мы не собираемся детально обсуждать синоптическую проблему, а потому ограничимся рассмотрением основных фактов, известных в настоящий момент библейской науке.

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.46.

² Лёзов С.В. Указ. соч. С.124-125.

³ Там же. С.126-127.

Проблема синопсиса состоит в том, что между тремя евангелиями существуют многочисленные расхождения, но также и значительные совпадения. Сопоставление этих евангелий между собой выделяет их взаимозависимости, сходства и расхождения. Такое сопоставление называется синопсисом, в переводе с греческого означающего «взгляд, который обнимает всю целостность».

Сходства касаются:

1) композиции. Во всех трех синоптических евангелиях наблюдается подобная структура:

- деятельность Иоанна Крестителя;
- искушения и крещение Иисуса;
- деятельность в Галилее;
- путешествие в Иерусалим;
- деятельность в Иерусалиме;
- страдания и смерть;
- послепасхальные события;

2) последовательности отдельных перикоп. Например, все синоптики излагают в одной и той же последовательности о выздоровлении паралитика, призвании мытаря Левия, присутствие Иисуса в доме мытаря и его полемику на тему поста (Мк. 2:1-22; Мф. 9:1-17; Лк. 5:17-39):

3) идентичных слов и выражений внутри самих отдельных повествований, Например, слова об отпущении грехов, обращенные к паралитику (Мк. 2:10), логия о сохраненной или погубленной жизни (Мк. 8:35; Мф. 16:25; Лк. 9:24), упоминание о просьбе Иосифа Аримафейского отдать ему тело Иисуса (Мк. 15:43; Мф. 27:58; Лк. 23:52), идентичное цитирование текстов Ветхого Завета (Мк. 1:3; Мф. 3:2; Лк. 3:4).

Различия касаются:

- 1) содержания: помимо большей части общего материала, каждый из синоптиков имеет свой собственный материал (Матфей имеет 330 собственных стихов, Марк – 28, Лука – 531);
- 2) последовательности событий и порядка речей Христа: евангелисты не всегда придерживаются одного и того же порядка, часто прерывают ход повествования, вводя свой собственный материал;
- 3) обстоятельства приведенных фактов или слов: например, обстоятельства передачи Христом текста «Отче наш» у Луки и Матфея;
- 4) одинаковых слов в передаче отдельных синоптиков: например, текст «Отче наш», слова освящения хлеба и вина (именно объяснение существующих сходств и отличий между Матфеем, Марком и Лукой и называется проблемой синопсиса).

На настоящий момент было предложено несколько путей решения проблемы синопсиса. И.Г. Гердер предложил в конце XVIII века т. н. теорию устной традиции. Согласно данной гипотезе, сходства объясняются общей устной традицией, а различия отличительными чертами отдельных культурных сред. По Гердеру, «синоптические евангелия независимо друг от друга черпали материал из устной традиции первых христианских общин, которая обрела устойчивость в результате постоянного повторения и заучивания одних и тех же изречений и повествований. Содержание этой традиции было сформулировано по-арамейски, а затем переведено на греческий. Согласно этой точке зрения, расхождения между синоптиками возникли из-за того, что евангелисты были знакомы с различными вариантами традиции, удовлетворявшими потребности и интересы разных общин»¹.

Другая гипотеза, т. н. гипотеза протоевангелия, предполагает, что литературным источником всех евангелий было первичное Арамейское евангелие. Различия между евангелиями по этой теории объясняются

¹ Цит. по: Лёзов С.В. Указ. соч. С.72-73.

использованием евангелистами различных частей протоевангелия и различным их переводом.

Обе эти теории удовлетворительно описывают причину существования различий в евангельском тексте различных евангелистов, однако совершенно не объясняют наличия в евангелиях многочисленных совпадений. Логика требует допустить некоторую литературную зависимость евангелий. Этому отвечает теория взаимозависимости. Согласно этой теории, евангелисты были литературно зависимы. Эта гипотеза, ведущая свое начало от блаженного Августина, была сформулирована И. Я. Грисбахом в конце XVIII века. Теория имеет различные варианты, соответственно тому, какую последовательность принимают отдельные ученые. На самом деле они объединяются только в трех вариантах:

- 1) Матфей - Марк - Лука;
- 2) Матфей - Лука - Марк;
- 3) Марк - Матфей и Марк - Лука.

В зависимости от того сколько принимается письменных источников, следующая гипотеза имеет несколько вариантов. Вообще говоря, принята теория двух письменных источников. Самым старшим историком считается Марк и источник «Q» (от нем. Quelle – источник), а Матфей и Лука опирались на Марка и Q, объясняя и интерпретируя эти источники. Кроме того, Матфей и Лука использовали собственный материал. Это самая простая из всех схем отвечающая теории письменных источников.

Не уклоняясь в более подробный анализ синоптической проблемы, что не является предметом данной работы, будет использована гипотеза двух источников по причине того, что она является одной из самых влиятельных в современной библеистике.

Выводы к первой главе

Приведенные в данной главе выпускной квалификационной работы материалы позволяют сделать следующие **выводы**:

Притчи Священного Писания Нового Завета – это особый, сложный, с точки зрения лингвистики «речевой жанр» библейских повествований, которым нередко пользовался Господь Иисус Христос, беря примеры из природы и современной жизни.

По своему происхождению притчи, как жанр, связаны с еврейским «машал»-ом (на иврите «машал» – сравнение), что в Ветхом Завете означает афоризм. Подобную же, но более сложную форму притчи мы находим и в Евангелии, где впервые появляются притчи-рассказы как важнейший элемент проповеди.

Выделим несколько причин, по которым Спаситель прибегал к притчам:

Во-первых, уча глубоким духовным истинам людей лишенных, в большинстве своем всякого образования, Иисус Христос использовал конкретный и яркий рассказ, почерпнутый из жизни. Размышляя над ним человек, имел возможность постепенно постичь скрытую в притче мудрость.

Во-вторых, притчи, вследствие простоты изложения и понимания сохраняли чистоту учения Христова тем, что облекали его содержание в форму конкретного повествования.

В-третьих, притчи обладают большой нравоучительной широтой, которая дает возможность применять Божественные законы не только к частной, но и к общественной жизни и даже к историческим процессам.

Глава 2. Общие богословские особенности Евангелия от Луки

2.1. Эсхатология в Евангелии от Луки

В теологии интересующего нас Евангелия от Луки можно выделить несколько богословских тем, на которых сам автор Евангелия делает особый акцент. В первую очередь речь идет об истории спасения. Лука делит историю спасения на две эпохи. Первую составляют времена Израиля и пророков. С приходом Иисуса начинается второй и последний период спасения, который завершит Христова парусия в конце времен. Этот второй этап охватывает как историю Иисуса, так и Церкви. Эпоха Иисуса и Церкви – это исполнение ветхозаветной истории спасения, а также давних Божиих обетований. Разделение на эпохи имеет цель показать, что возвещенный Христом конец времен, несмотря на запаздывание парусии придет¹.

Леон Моррис полагает, что Лука сознательно пытается разрешить проблему, связанную с отсрочкой парусии. Пока предполагалось, что парусия произойдет при жизни современников Иисуса, церковь послепасхального периода просто ждала, не имея самостоятельного значения. Но отсрочка парусии потребовала переоценки ценностей, чего Лука добился посредством «деэсхатологизации» Евангелия. Поэтому вместо ожидания скорой парусии Лука предлагает небесное спасение для отдельной личности и представление о неопределенно долгом осуществлении Божьего замысла спасения через Церковь². Впрочем, существуют и другие мнения на этот счет. Моррис обращает внимание на XIII и XIV главы Евангелия от Луки и отмечает: «Следует иметь в виду, что в иудейской мысли мессианский пир был неотъемлемой частью эсхатологической обстановки и, возможно, когда Иисус говорил о пирах, Он имел это в виду, каковы бы ни были непосредственные применения Его образов»³. Время Церкви – завершающее время. История Церкви – это не эпоха, в которой только

¹ Лэдд Д.Э. Теория Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 2003. – С.262.

² Моррис Л. Теология Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 1995. – С.255.

³ Там же. С.257.

осталась память об Иисусе. Воскресший живет в Своей Церкви. Оригинальной чертой эсхатологии Луки является сильное ударение на возможности окончания истории спасения, хотя время, когда это произойдет, запаздывает и неизвестно, Лука не столько отрицает реальность парусии, сколько показывает поэтапность Божьего замысла и необходимость совершения неких событий прежде парусии. Второй очень важной темой богословия апостола Луки является христология. Лука показывает Иисуса Христа в образе Спасителя. Само слово «Спаситель» в Новом Завете используется 24 раза¹. При этом частотность этого слова не идет ни в какое сравнение с употреблением однокоренных «спасение» и «жизнь» (более 120 раз первое и более 40 раз – второе)². «Единственно можно сказать, что существует ограничение в использовании «Спаситель» которое объясняется тем, что в иудейском мире со словом «Спаситель» связывались ожидания освободителя из национального рабского состояния... в то время как в языческом мире оно предполагало скорее земного благодетеля в лице императора»³. Христос в повествовании Луки во всей своей деятельности желает освобождения человека от зла, от грехов и несчастий и одаривает человека Божьими дарами. Прощает и сочувствует, чувствителен к человеческой беде и полон доброты. Особенным попечением окружает бедных и грешников, людей отверженных. Больше всего внимания уделил Лука Иисусу – Спасителю грешников: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшие» (Лк. 19:10). Спасительное милосердие Иисуса проявляется также в Его чудесах: воскрешении юноши из Наина, исцелении 10-ти прокаженных. Мотивом совершения этих чудес несомненно является милосердие Спасителя. В этой связи интересно употребление Лукой слова «внутренность» в выражении «по внутреннему милосердию Бога» (Лк. 1:78). Первоначально это слово обозначает просто часть внутренностей, особенно

¹ Вейсман А. Д. Указ. соч. С.791-793.

² Цит. по: Моррис Л. Указ. соч. С.199.

³ Смирнова Н. Рече Господь. Толкования на евангельские притчи. – М.: Лепта, 2011. – С.66.

сердце, легкие, ливер. Позднее слово стало обозначать место в человеке, где находятся эмоции, гнев, беспокойство, сожаление и т.д. Евреи эти чувства помещали в «кишечник», которое отличалось от «внутренности». Поэтому в версии семидесяти мы видим различные слова для обозначения седалища чувств в душе человека. Тогда как в греческом мире «внутренность» стало обозначать именно сердце¹.

2.2. Роль Святого Духа в домостроительстве нашего спасения по евангелисту Луке

Нельзя не упомянуть еще одну важную богословскую тему, раскрываемую в Евангелии от Луки. Лука подчеркивает роль Святого Духа в истории Иисуса и Его учеников. История Иисуса начинается с участия Святого Духа при зачатии Его Марией (Лк. 1:35). Святой Дух сходит потом на Иисуса во время Его крещения в Иордане (Лк. 3:21). После этого события Христос, полный Духа Святого (Лк. 4:1) и в силе Духа (Лк. 4:14), идет в Галилею, чтобы учить в синагогах, а в Назарете провозглашает: «Дух Господень на Мне» (Лк. 4:18). Святой Дух действует в тех, которые с верой и надеждой ожидают рождения Спасителя, как Елисавета или Захария (Лк. 1:41,67). Благодаря Святому Духу Симеон жил с надеждой прихода Мессии (Лк. 2:25-27). Христос передал Святой Дух Церкви (Лк. 24:49), где Он выполняет различные функции: дает откровения и вдохновения, управляет и дает силу для апостольской работы и свидетельства об Иисусе Христе.

2.3. Учение о морали в Евангелии от Луки

Одной из важнейших тем богословия Луки является тема христианского этоса, т.е. морали и линии поведения. Выделяя, что именно в Евангелии от Луки отлично от трех других Евангелий, то, прежде всего, обнаруживаешь, что это тема богатства. У Матфея и у Марка есть знаменитый афоризм: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24; Мк. 10:25). Есть он и у Луки (18:25). Во всех трех

¹ Моррис Л. Указ. соч. С.181.

Евангелиях этот афоризм завершает рассказ о богатом юноше, который пришел к Спасителю спросить, что делать, чтобы наследовать жизнь вечную. Но только у Луки тема богатства становится одной из основных, проходит через весь текст его Евангелия. И прежде всего она выражена в четырех больших притчах: притча о милосердном самарянине (Лк. 10:25-37), притча о безумном богаче (Лк. 12:16-21), притча о богаче и нищем Лазаре (16:20-31), притча о неверном управителе (Лк. 16:1-9).

Следующая тема, поднимаемая Лукой – это тема милостыни. В 11-й главе дается ответ и совет по этому поводу. Обращаясь к фарисеям, Иисус говорит: «...Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства. Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее? Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть: тогда все будет у вас чисто» (Лк. 11:39-41). В следующей, 12-й главе есть фраза: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе хранилища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12:33-34). Здесь мы, видим приближение к сердцевине того, что говорит по поводу богатства Спаситель. Необходимо не просто продавать милостыню, а делать это по зову сердца. Если мы с холодным сердцем раздаем или распродаем богатство, то это еще не милостыня.

Та же самая тема раскрывается 14-й главе: «Сказал же и позвавшему Его: когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздается тебе в воскресение праведных» (Лк. 14:12-14). В этом отрывке раскрывается принцип, зови тех, кто не может воздать тебе.

Следующая тема Евангелия от Луки – это тема покаяния. Без притч о блудном сыне (Лк. 15 гл.) и мытаре и фарисее (Лк. 18 гл.), без двух примеров о башне Силоамской и о галилеянах, убитых по приказу Пилата (Лк. 13:2-5), мы бы не знали, что такое покаяние.

2.4. Учение о молитве в Евангелии от Луки

Особое место у Луки занимает понятие «молитва» и производные от него у апостола и евангелиста Луки встречаются чаще, чем у других евангелистов¹. Лука подчеркивает, что мы спасены Богом во Христе, откуда с неизменностью следует, что мы постоянно сохраняем зависимость от Бога, нуждаясь в силе и мудрости, чтобы вести христианскую жизнь. Поэтому Лука акцентирует свое внимание на молитве². Особенным интересом Луки к молитве объясняется и тот факт, что упоминания о молитве Иисуса в большинстве случаев следует приписать редактированию. Так Лука внес мотив молящегося Господа во многие места текста Марка (Лк. 5:16; 6:12; 9:18; 9:28)³. В молитве Самого Господа мы видим пример для молитвы. Большое место в молитве Иисуса занимает заступничество (Лк. 22:31). Как таковое заступничество не было распространено в древнем иудаизме, поэтому на этом фоне особенно оттеняются события страстей Иисуса Христа, Его молитвы о распинающих Его⁴. Не ограничиваясь собственным примером, Иисус дает специальные наставления о молитве: «Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам» (Лк. 11:9). Рассматривая это место, Иеремиас делает вывод о том, что «место жизни» этой логики – это мудрость нищих, которые неотступными просьбами добиваются желаемого⁵. Третье Евангелие также дает нам основы теологии молитвы:

- 1) молитва должна быть искренней, настойчивой (Лк. 1:13; 18:7-8);
- 2) следует постоянно молиться (Лк. 18:1);

¹ Моррис Л. Указ. соч. С.249.

² Иеремиас И. Указ. соч. С.211.

³ Там же. С.212.

⁴ Там же. С.214.

⁵ Иеремиас И. Указ. соч. С.211.

3) основой молитвы должны быть покорность и покаяние (Лк. 18:9-14)¹.

Лука так же, как и Марк с Матфеем, определяет христианскую позицию как следование за Христом, но в ситуации, в которой пребывала Церковь Луки, уже не было возможным первоначальное совершенное и радикальное в широком смысле следования за Христом, как это делали первые призванные Им ученики. Однако дух и позиция, которые сопровождали их решения, и дальше остаться живыми и действенными, требуют только нового толкования и новой конкретизации.

Стать учеником не означало вступить в великую общность, которую можно правомерно назвать общиной. Отсутствует четкая разграничительная линия между теми, кто действительно ушел из дома, чтобы следовать за Иисусом, и куда более широким кругом учеников, несомненно, включавшим и тех, кто оставался у себя дома; быть членом семьи Иисуса значило творить волю Божию, а не сопровождать Иисуса (Лк.8:21)². Д.Д. Данн утверждает, что в евангелиях трудно найти места, которые говорили бы нам о закрытости круга учеников Иисуса. «Открытость круга учеников Иисуса особенно очевидна, если сравнивать его с кумранской общиной. Иисус «не основывал новой Церкви, ибо спасение достигается не вступлением в некое религиозное общество, хотя бы и радикально реформированное»³. На последней цитате впрочем, отражается протестантская ориентация автора.

2.5. Эсхатологическая мотивация в Евангелии от Луки

Наконец, последней значимой темой в Евангелии от Луки, на которую мы бы хотели обратить внимание прежде, чем перейдем к рассмотрению богословия притч по третьему Евангелию, это тема эсхатологической мотивации.

¹ Данн Д.Д. Указ. соч. С.144.

² Там же. С.144.

³ Цит. по: Флоровский Г., прот. Догмат и история. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. – С.450.

Христианская экзистенция имеет эсхатологическое измерение. «По Бруннеру, с пришествием Христа само время для верующих обрело совершенно новое качество – неизвестное доселе качество выбора. С тех пор верующие, продолжая пребывать в обычном историческом времени, поставлены перед радикальным выбором. Выбор серьезный, невероятно ответственный, выбор между Небом и адом. Те, которые Откровением Божиим были призваны принять решение, поняли, что любой момент может стать для них решающим. Поэтому для веры земное время обременено напряжением вечности»¹. За настоящую земную жизнь и моральное поведение необходимо будет отвечать перед Христом, и не только при конце времен, но сразу же по смерти. Эту мысль иллюстрируют логики Христа (Лк. 16:9, 23:43), а также некоторые из Его притч, о которых мы будем говорить в своем месте.

В данной главе были проанализированы основные богословские особенности Евангелия от Луки, оказавшие свое влияние на изложение притч. Конечно, указанным темами не исчерпывается богатство богословия апостола Луки, которого Х.Флендер назвал «богословом истории искупления», а Дж. Беккер – «мастером теологии»². Для нас было важно выделить те основные черты богословия Луки, которые, по нашему мнению, эксплицитно содержатся в притчах переданных евангелистом. Несомненно, что при разборе приточного материала Евангелия от Луки обнаружатся и другие важные темы богословия, в любом случае, мы хотим показать, что Лука сознательно отбирал притчи из всего комплекса предания и помещал их в том или ином месте своего Евангелия с определенной целью, обусловленной его богословской позицией.

¹ Цит. по: Флоровский Г., прот. Указ. соч. С.450.

² Фи Г. Экзегетика Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 1995. – С.29.

Выводы ко второй главе

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие **выводы**:

В богословии Евангелия от Луки можно выделить несколько тем, на которых сам автор Евангелия делает особый акцент.

В первую очередь речь идет об истории спасения. Необходимо отметить, что именно в Евангелии от Луки с самого начала, с первых строк говорится о том, что Господь – Спаситель (Лк. 2:30-31) и встречается в тексте 24 раза. О спасении и Спасителе говорится в «Гимне Божией Матери» (Лк. 1:46-47). «Ныне пришло спасение Дому сему», – говорит Иисус, придя в гости к Закхею (Лк 19:9). Таким образом, Евангелие от Луки сфокусировано на теме спасения.

Вторая тема, поднимающаяся ев. Лукой – это тема роли Святого Духа в истории Иисуса Христа и Его учеников. Эта тема поднимается автором с первых строк своего Евангелия. Особенностью является то, что действие Святого Духа в мире описывается до Пятидесятницы. У ев. Луки мы видим новое направление пневматологической темы, которое заключается в том, что Дух Святой подготавливает пришествие во плоти Бога-Сына (Лк 1:15, 41; Лк.2:26). Описывая воздействие Святого Духа на людей, ев. Лука находится строго в рамках ветхозаветной традиции. Но у него они представлены более интенсивно (Лк 1:35, 41; 3:1). Слова Предтечи Иоанна: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Лк 3:16) ясно указывают на Пятидесятницу. Пневматологические пассажи о хуле на Духа и о вразумлении учеников перед гонителями, встречающиеся у евангелистов Матфея и Марка в разрозненном виде, ап. Лука помещает вместе, устанавливая между ними тематическое единство (Лк 12:10-12).

Христианский этос определяется повелением Евангелия, но в центре Евангелия стоит не повеление, а человек. Моральная позиция учеников Христа характеризуется верностью, радостью, заботой о женщинах и детях, бедных и оставленных, а также особым отношением к Богу, в котором особое

место занимают: молитва, следование за Христом, эсхатологическая мотивация.

Особое место у ев. Луки занимает тема непрестанной молитвы. Она затрагивается им больше чем другими евангелистами. Эта тема раскрывается в одной из притч (Лк. 11:5-8). Об этом же, только другими словами, говорится в начале 18-й главы, в притче о неправедном судье (Лк. 18:3-7). Эта непрестанная молитва связана с каким-то особым горением христианского сердца (Лк. 12:49), о каком-то огне, но который не уничтожает, а просвещает и преображает (Лк. 24:32). Это горение сердца и есть непрестанная молитва.

Наконец, последней значимой темой поднимаемой ев. Лукой является тема эсхатологической мотивации. В Евангелии от Луки имеет место индивидуальная эсхатология, которая наступает со смертью (Лк 23:43). За настоящую земную жизнь и моральное поведение необходимо будет отвечать перед Христом, и не только при конце времен, но сразу же по смерти. Эту мысль иллюстрируют логики Христа, а также некоторые из Его притчи.

Глава 3. Особенности притч Спасителя, изложенных в Евангелии от Луки, относительно притч, представленных в тройной традиции

В данной главе мы рассмотрим притчи Господа Иисуса Христа, которые известны нам в «тройной», по определению Г. Фи, традиции¹. А чтобы не перегружать текст данной работы значительными по объему цитатами притч из Евангелий, все они будут размещены в приложении с соответствующими ссылками на Священное Писание.

3.1. Притча о свече под спудом

Данная притча представлена в отрывках Лк. 8:16-18; Мф. 5:14-16; Мк. 4:21-25 (Приложение 1).

Евангелист Лука помещает ее сразу после толкования притчи о сеятеле. Матфей помещает эту притчу в контексте Нагорной проповеди сразу после логики о соли. Наконец, Марк, приводя эту притчу, дает ей место в более широком, чем у Луки, контексте. А именно, среди притч о Царствии Небесном. При этом при помощи паратаксиса, вводится логия о мере, чего нет в других евангелиях в окрестности рассматриваемой притчи.

Настоящая притча у всех троих евангелистов являет собой пример т. н. антитетического параллелизма (когда две фразы имеют противоположный смысл), который вообще характерен для учения Спасителя².

Особенно это относится к отрывку из Евангелия от Марка, у которого антитетизм достигается посредством комбинирования противопоставления и отрицания. Между тем у Матфея и Луки наблюдаются существенные различия. Эта логия по-разному соединена у Матфея и Луки с ключевыми словами контекста. У Матфея связана, с одной стороны, посредством ассоциации «не ставят ее под сосудом» (Мф. 5:15), а с другой – через слова «и светит всем в доме» (Мф. 5:15) и «так да светит свет ваш пред людьми» (Мф. 5:16) параллель к Луке: «чтобы входящие видели свет» (Лк. 11:33),

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.30.

² Там же. С.57.

связано через слово «светильник» (Лк. 11:34)¹.

Поговорка «все тайное становится явным» по-разному истолковывается у евангелистов. У Марка – контексте его теории «мессианской тайны» (Мк. 4:22) а у Матфея – с миссионерской деятельностью христиан (Мф. 10:26-27)². Что же касается третьего евангелиста, то нужно согласиться с С.В. Лёзовым, который видит здесь миссионерский аспект в указанной поговорке (Лк. 12:2-3).

Прилагая образы «соли» и «света» к ученикам в Евангелии от Матфея, Господь имеет в виду служение, порученное ученикам. Связь с заповедями блаженства здесь самая непосредственная, так как ученики должны удовлетворять тем условиям, которые раскрываются в блаженствах. Целью служения является прославление Отца людьми. В прославлении – уловление. Тематика света здесь имеет большое значение, так как речь идет об акте веры, возжигаемой служением учеников. Ученики должны привести людей к Богу, их просветившему.

Царство Небесное есть последняя цель христианской добродетели, а ближайшая цель – являя добродетель, не только самим достичь Царства, но и других привести Богу. Здесь у Матфея предвосхищается учение о Церкви, излагаемое им в последующих главах Евангелия. В Евангелии от Луки мы не находим таких коннотаций, это объясняется тем, что Лука помещает данную перикопу в совершенно иной контекст. Гордон Фи указывает при этом на то, что рассматриваемый отрывок соединяет в себе логики (Мф. 10:26; 13:12; 25:29)³.

Как мы видим, только Лука следует ходу рассказа по Марку. Он повторяет здесь три из пяти изречений Марка, а также «наблюдайте, как вы слушаете» (Мк. 4:24); Мк. 4:21 повторено у Луки значительно хуже, чем Мк.

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. – Казань, 2003. – С.53-54.

² Лёзов С.В. Указ. соч. С.117.

³ Фи Г. Указ. соч. С.99.

4:22 и Мк. 4:25. У Матфея встречаются четыре из пяти изречений, но все они рассеяны по разным местам Евангелия. В первых двух случаях он излагает изречения иначе чем Марк, а в последнем наоборот, очень близко к тексту Марка. Как видно из Лк. 12:2, Мф. 10:26 не есть параллель к Мк. 4:22, а является Q версией того же изречения. Аналогично обстоит дело и с Мф. 5:15. это видно из сравнения этого места с Лк. 11:33, таким образом, Лука в целом следует тексту Марка, но опускает два кратких изречения и переписывает первое под влиянием Q. Матфей опускает всю эту группу изречений, кроме стиха 25, который он вставляет несколькими стихами ранее в причину, по которой говорятся притчи. Для нас важно, что используя Q источник и намеренно отказываясь от повествования Марка, Лука в отрывке (Лк. 8:4-21) говорит о будущей миссии учеников, которым объяснены притчи и которые должны принести плод, взяв то, что было скрытым и сделав его доступным, с тем чтобы люди могли увидеть свет¹. Кроме того, нельзя не отметить, что Лука, размещая рассматриваемую логию не так как у Марка, смещает акцент к стихам 19-21, о которых мы уже говорили выше в связи с особым ударением богословия Луки на следовании за Христом, в то время как Марк заканчивает третью главу эпизодом с Матерью Божией и братьями Иисуса. Дополним сказанное мнением Иеремиаса, который видит в рассмотренной притче образы наступающего конца света. «Иисус пользуется библейским символическим языком, чтобы возвестить о начале новой эры – эры спасения. Он выделяет это всякий раз с помощью новых образов. Свет сияет. Весь дом (в то время состоявший чаще всего из одной комнаты) освещается, когда зажигается светильник, и тьма вынуждена отступить (Мк. 4:21). Град Божий на вершине высокой горы уже сейчас сияет во мраке мира (Мф. 5:14).

3.2. Притча о ветхой одежде и заплате, о старых мехах и новом вине

Перейдем теперь к рассмотрению следующей притчи, представленной

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.127.

во всех трех синоптических евангелиях. Данная притча представлена в трех редакциях Мф. 9:16-17; Мк. 2:21-2; Лк. 5:35-37. Из священного текста легко видеть, что изложение у всех трех евангелистов практически совпадает (Приложение 2)¹.

При этом евангелист Лука, развивая тему вина добавляет: «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» (Лк. 5:39), которого не обнаруживаем у других священнописателей (то есть это его собственный материал). Однако несмотря на сходство евангелисты по-разному компонуют материал. Матфей помещает блок, содержащий интересующую нас притчу после Нагорной проповеди в комплексе повествований о чудесах Спасителя. В то же время притчи о новой заплате на ветхой одежде и о вине и мехах у Марка занимают место в комплексе чудес, который располагается до изложения собственно учения Иисуса Христа. Аналогичной схемы придерживается и Лука. Епископ Кассиан (Безобразов) попытался из внешнего сходства гл. 8-9 у Матфея и Нагорной проповеди, определить место этих глав в Евангелии от Матфея. Нагорная проповедь – это проповедь Евангелия Царства; чудеса – исцеление болезни и немощи в людях. Но в том то и дело, что даже в гл. 8-9 чудеса переплетаются с учениками, и эпизоды, вводящие учение, оказываются тоже вырванными из контекста. Отсюда – общая характеристика гл. 5-9: учение словом и учение делом. В контексте Мф. 8-9 наше исследуемое место имеет значение откровения о Христе². Отрывок (Мк. 2:1-3,12), по мнению того же автора также говорит о прикровенном богоявлении³. Притчи являются косвенным ответом на вопрос учеников Иоанна и фарисеев о посте. Здесь недоумение вызывает образ жизни учеников Иисуса. Невозможность поста для учеников Его обосновывается общим соображением. «Старые формы не вмещают

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. – М.: YMCA-PRESS, 1992. – С.69-70.

² Там же. С.53.

³ Там же. С.54.

нового. Новое есть присутствие Жениха. Жених с учениками. Его утрата – в будущем. Кто есть Жених? Контекст не оставляет сомнения. Иисус говорит о Себе. В самом наименовании «Жених» мыслится устремленность в будущее. Именуя Себя Женихом, Иисус, с одной стороны, подразумевает Свое Божественное достоинство, с другой стороны, указывает на полноту его выявления, предстоящую в будущем – мессианское учение в эсхатологическом аспекте. Невозможность поста в присутствии Жениха отвечает тому же духу любви, который проводил Иисус в общении с мытарями грешниками. Но в контексте Марка ударение и тут на прикровенном богоявлении»¹. Д.Д. Данн отмечает, что согласно синоптикам, Иисус также возвещал, что эсхатологическое правление Бога уже реализуется в Его собственных словах и деяниях². В притче о новой заплате на старой одежде и о новом вине в ветхих мехах, согласно тому же автору, слышится мотив уже сбывшегося ожидания Царства³. С мнением Д. Д. Данна соглашается И. Иеремиас. В рассматриваемых притчах он видит возвышение начала эры спасения: «Подается новое вино. Виноградная лоза и вино с незапамятных времен были на Востоке символом новой эры (см.: Быт. 9:20; 49:11-12; Числ. 13:23; Ам. 9:13; Иоиль. 3:18 и др.). Новое вино нелепо наливать в старые мехи, оно порвет их»⁴. Блаженный Феофилакт Болгарский, толкуя притчи, говорит: «И так можешь принять, что старым мехам уподоблены апостолы, как еще слабые, а можешь разуметь, что им уподоблены и фарисеи. Господь как бы говорит им: Мое учение есть новое вино, а вы, будучи старыми мехами, не можете принять оное; но, напившись старого вина, то есть древнего предания, не желаете моего нового, а говорите, что старое вино, то есть, Ветхий Завет, лучше»⁵. Аналогичного

¹ Данн Д.Д. Указ. соч. С.54.

² Там же. С.55.

³ Там же. С.56.

⁴ Иеремиас И. Указ. соч. С.127.

⁵ Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Святое Евангелие. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – С.61.

мнения придерживается и святитель Иоанн Златоуст: «Так как ученики Христовы еще слабы, не утвердились и не обновились Духом Святым, то и требуют еще большего снисхождения, и потому нельзя обременять их строгостью жизни и тягости заповедей»¹.

Резюмируя все сказанное, можно сказать следующее. Притчи о новой заплате на ветхой одежде и о вине и мехах могут предполагать двойную направленность: под мехами и одеждой могут пониматься как ученики, так и фарисеи. Тогда притчи принимают аллегорический характер. Но как мы уже говорили, притча должна быть простой, не должна быть аллегорической и должна быть скорее очевидной, чем мистичной и тогда у нас остается только конкретное понимание притч как повествующих об осуществившейся эсхатологии, как это предлагает понимать Д.Д. Данн или И. Иеремиас². близко к этим пониманиям стоит и толкование епископа Кассиана (Безобразова): осуществление эсхатологии соотносится с «прикровенным богоявлением»³. Несмотря на то, что материал притч по-разному расположен у Матфея и Марка с Лукой, все же толкование притч не слишком различается, возможно, из-за того, что притчи обретают смысл в контексте менее крупного единства.

3.3. Притча о сеятеле

Перейдем теперь к притче, которая занимает очень важное место в ряду притч Господа нашего Иисуса Христа, так как именно ею открывается раздел притч о Царстве Небесном. Как и предыдущие притчи, притча о сеятеле передается всеми тремя синоптиками. Данная притча представлена в трех редакциях Мф. 13:1-23; Мк. 4:1-20; Лк. 8:4-15. У всех троих дается не только текст притчи, но также вопрос учеников о причине говорения притчами и толкование притчи Спасителем (Приложение 3).

¹ Цит. по: Бухарев И., прот. Толкование на Евангелие от Луки. – М.: Тип. тов-ва И.Т. Снытина, 1902. – С.85.

² Иеремиас И. Указ. соч. С.43.

³ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Луки. – Париж: Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже, 2006. – С.68.

Прежде, чем мы перейдем к богословию, изложенному в притче о сеятеле, сделаем несколько замечаний касательно самого текста притчи. Прежде всего необходимо заметить, что имеются «незначительные отличия между евангелистами в изложении притчи касаются семени, упавшего при дороге: у Матфея и Марка его поклевали птицы, а у Луки оно было потоптано, и птицы небесные поклевали его»¹.

Иоахим Иеремиас отмечает большое разнообразие литературных приемов, использованных евангелистом Матфеем в его повествовании. Например, Мф. 13:12 имеет дуплет – Мф. 25:29, используемый евангелистом для особого воздействия, чтобы слушатели запомнили сказанное. Стих 16 содержит комбинированное противопоставление и отрицание, т.е. обнаруживается антитетический параллелизм. Кроме того, этот стих являет собой пример, который служит прежде всего для выражения глубокого внутреннего переживания².

Что же касается Марка и Луки, то Марк приводит еще одно место, где мы наблюдаем антитетический параллелизм (Мк. 4:21), этот отрывок не относится к нашей притче, а текст Матфея (Мф. 13:11) сжат по сравнению с Марком (Мк. 4:11). Это сокращение сделано Матфеем видимо для более резкого выделения этого текста³. Интересно отметить, что некоторые различия в текстах Матфея и Марка (напр., Мф. 13:7-8 и Мк. 4:7-8) современный исследователь протоиерей Леонид Грилихес использует в своих попытках доказать, что не Матфей использовал материал Марка, а наоборот, Марк писал свое Евангелие, используя тексты Матфея. Характерной особенностью этой работы в целом является то, что автор на ее страницах ни разу не упоминает третье синоптическое Евангелие⁴. В

¹ Иларион (Алфеев), митр. Указ. соч. С.92.

² Иеремиас И. Указ. соч. С.33.

³ Грилихес Л., прот. Археология текста. Сравнительный анализ евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1999. – С.33.

⁴ Иеремиас И. Указ. соч. С.34.

отношении последнего текста Матфея протоиерей Л. Грихилес пишет, что Марк конкретизирует Матфея, так как это обусловлено «сменой ориентации у Марка на вонне – на христиан из язычников, внешних по отношению к религиозной традиции Священного Писания, геополитической ситуации Палестины и т.д., и вместе с переводом, неизбежно влечет за собой раскрытие этих импликатур»¹.

Что же касается текстуальных особенностей Евангелия от Луки, то несмотря на то, что тексты Марка и Луки следуют друг другу с большой точностью (напр., Лк. 8:4- 9:50 и Мк. 4:1-9:40), все же надо отметить, что Лука значительно перерабатывает материал Марка стилистически: отбрасывает вопросы, перемещает слова и целые фрагменты текста, например, сглаживает антитетические параллелизмы². В перикопе, изложенной евангелистом Лукой, мы обнаруживаем большое количество лексических единиц, которые отсутствуют у других евангелистов при изложении данной перикопы. Лука сильно переработал стилистику притчи о сеятеле, в то время, сохранив ее место в контексте повествования двух других евангельских священнописателей.

У Луки контекстом притчи о сеятеле является не море с Иисусом в лодке (Мф. 13:2; Мк. 4:1), а жители, пришедшие из разных городов (Лк. 8:4). Адаптируя Марка, Лука добавляет в 8:22: «В один день Он вошел с учениками Своими в лодку». В самой притче мы находим несколько интересных адаптаций:

а) дополнение «семя свое» (Лк. 8:5);

б) дополнение «было потоптано» (Лк. 8:5);

в) замена – вместо «не имело корня» на «не имело влаги» (Лк. 8:6) и опущение «земля была не глубока» и слов о палящем «солнце» (Мф. 13:5-6; Мк. 4:5-6);

¹ Грихилес Л., прот. Археология текста. Сравнительный анализ евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции. С.33.

² Фи Г. Указ. соч. С.98-99.

г) опущение слов «не дало плода» (Лк. 8:7);

д) отсутствие «взошел и вырос», а в описании урожая оставлено только «принесло плод сторичный» (Лк. 8:8).

В результате появляется «конденсированная» версия притчи Марка со многими опущенными деталями¹. Отметим также тот факт, что Лука, повествуя о причинах говорения притчами, опускает замечание, что ученики были одни, изменяет вопрос учеников, как если бы он относился исключительно к данной притче, изменяет «тайну» Царства на «тайны», заменяет «тех внешних» на «прочие» и значительно сокращает цитату из Исаии. К причинам подобных изменений в тексте мы еще вернемся при обсуждении притчи со стороны содержания.

Как мы уже говорили, некоторые исследователи полагают, что все включенные и синоптические евангелия аллегорические толкования возникли в раннехристианской традиции или были созданы самими евангелистами. К таким аллегориям относится наша притча. В результате соединения и развертывания в цепочку метафор возникают аллегории – иносказательные повествования, в которых каждый элемент имеет «метафорическое» (переносное и требующее специального комментария) значение². Попытаемся понять, какое богословие лежит в основе притчи, даже если она, как предполагает Иеремиас, аллегоризирована самими евангелистами³.

Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что притча о сеятеле впервые вводит нас в новый способ учения, который до сих пор не употреблялся Спасителем. Это явствует из вопроса учеников и ответа Иисуса, которым Он оправдывает этот новый метод. У Марка даже прямо говорится о том, что Сам Учитель ставит в зависимость понимание других

¹ Лёзов С.В. Указ. соч. С.125.

² Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея. – Казань, 2003. – С.102.

³ Иеремиас И. Указ. соч. С.33.

притчей от понимания притчи о сеятеле (Мк. 4:13). «Из Мф. 13 вытекает, что Господь употребляет приточную форму учения в наказание жестоковейным и в ограждение святыни. Налицо факт разделения. Неразумеющие остаются вне Царства»¹. Мы уже обращали внимание на то различие в союзах, которое наблюдается у Марка с Лукой, с одной стороны, и Матфея, с другой. Вопрос учеников (Мф. 13:10) и ответ Иисуса у Матфея перемещает центр тяжести с толкования притчи как таковой на оправдание приточной формы учения. Суждение о неразумении народа вводится (Мф. 13:13) не союзом «чтобы», как у Марка и Луки (Мк. 4:12; Лк. 8:10), а союзом «потому что». Иными словами, то, что у Марка (и Луки) есть цель, или, в лучшем случае, следствие, у Матфея представляется как причина². Само отделение притчи от толкования несколькими стихами, по епископу Кассиану, еще раз указывает на тему самой притчи: разделение. Удел учеников – понимание. Поэтому вопрос их о смысле притчи и вызвал огорчение Иисуса (Мк. 4:13)³. Матфей передает: «Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано» (Мф. 13:11). Синодальный перевод, следуя приведенному месту Матфея, аналогично передает текст Марка. В переводе епископа Кассиана (Безобразова) у Марка приводится более точное: «Вам дана тайна Царствия Божия» (Мк. 4:11)⁴, а В. Н. Кузнецова предлагает даже: «открыта тайна...» (Мк. 4:11)⁵.

Возвратимся теперь к союзам, о которых мы говорили выше. Словарь Вейсмана дает следующие значения союза «чтобы» – союз цели или намерения⁶. А второй союз обозначает: «что, потому что». «Иисус говорит в притчах потому что большинство слышало не слыша и видело не видя, но Он

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.101.

² Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.67.

³ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа /пер. еп. Кассиана (Безобразова) – М.: РБО, 2014.

⁴ Радостная весть. Новый Завет в переводе с древнегреческого /пер. В.Н. Кузнецовой – М.: РБО, 2001.

⁵ Вейсман А. Д. Указ. соч. С.629.

⁶ Там же. С.608.

также говорит в притчах с тем, чтобы они могли слышать не слыша и видеть не и видя»¹. Приведем большую выписку из «Лекций» епископа Кассиана, которая как нам кажется исчерпывает вопрос о союзах в рассматриваемых местах. «Нельзя отрицать, что союз «чтобы» иногда имеет значение союза следствия, заменяя более употребительный в этих случаях союз «так». Но первое значение – «чтобы». Союзом «чтобы» вводятся придаточные предложения обстоятельства цели. Это целевое значение предполагается большинством толкователей и в нашем отрывке. Иисус дает ответ словами пророка Исаии. В Новом Завете он цитируются часто как по переводу Семидесяти (Мф. 13:14-15; Деян. 28:26-27), так и по еврейскому тексту (Ин. 12:40). Сохраненная у Иоанна еврейская форма приписывает ослепление очей и ожесточение сердца Богу. И цель указана: чтобы не узрели очами и не уразумели сердцем и т. д. – стоит тот же текст, как у Марка «чтобы» и тут может было бы понимать в смысле «так», но такое понимание не устранило бы трудности. Ослепление очей и ожесточение сердца неизбежно предполагает и недоступность спасительного откровения, несомненно, отвечавшую, в таком контексте, замыслу Божию о человек. Мало того, если мы и у Марка будем понимать «чтобы» в смысле «так» (Мк. 4), неминуемо встает вопрос: почему же Господь учил притчами, если эта форма учения имела такие пагубные последствия? Матфей на этот вопрос дает ответ. У него вместо союза «чтобы» стоит союз «так как» (Мф. 13:13). Неразумение слушателей должно быть понимаемо не как следствие, невольное или преднамеренное, а как причина употребления приточной формы учения. Эту притчу понимать можно по-разному. Можно видеть тут наказание за греховную слепоту. Можно видеть педагогический прием: Господь потому говорит народу притчами, что народ, в своем младенческом состоянии, только притчи и может усвоить. С наступлением зрелости, ученики, вверенным им ключом откроют сокровища, которыми народ будет владеть

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.67-68.

бессознательно. Но для этих домыслов Марк оснований не дает. У Марка стоит «чтобы», факт – налицо. Конечно, этот факт есть следствие приточной формы учения. Но это следствие Иисус предвидит. Оно отвечает Его намерению. Это следствие есть разделение на слепых и зрячих, на тех, которые понимают, и на тех, которые не понимают. Мы видели, что разделение на спасающихся и погибающих и есть тема притчи о сеятеле. Контраст – в духе Марка. Большого Марк не говорит. Говорят другие. Каждому дано открыть какую-нибудь одну сторону божественного учения. Как преодолевается разделение, об этом в нашей связи речи нет. Но ясно цель разделения. Эта цель – положительная»¹.

Что же представляют собой «Тайны Царствия Божия», которые, по Марку, даны ученикам? «Тайны Царствия Божия или Небесного, это – истины относительно Царства Христова, – истины совершенно непостижимые для ума человеческого, или если и постижимые, но только сокрытые от других и известные не всем, таковы: тайна Святой Троицы... тайна распространения Евангелия по всему миру»². Блаженный Феофилакт Болгарский добавляет: «Когда ученики спросили о притче; Господь сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, то есть, вам, желающим научиться; ибо всякий просящий получает. А прочим, недостойным таинств, они сообщаются прикровенно; и таковые кажутся видящими, но не видят, и слышащими, но не понимают, и это для их же блага. Ибо Христос для того и сокрыл сие от них, чтобы они, познав таинства и презрев их, не подпали большему осуждению; так как знающий и пренебрегающий достоин тягчайшего наказания»³. Архиепископ Аверкий (Таушев) видит здесь следующий смысл: «Вы, апостолы, с дарованным вам уже познанием тайн Царствия Божия, можете проникать в них все глубже и глубже, понимать все совершеннее; народ потерял бы и то скудное знание сих тайн, какое еще

¹ Бухарев И., прот. Указ. соч. С.123.

² Там же. С.126.

³ Феофилакт Болгарский, блж. Указ. соч. С.82.

осталось у него, если бы при откровении не дать ему в помощь иносказательной речи, более для него пригодной»¹. Нам кажется, что в рассматриваемом отрывке из перикопы о сеятеле, речь идет о мессианской тайне. Это тем более вероятно, что для евангелиста Марка вообще характерна такая тематика². Возможно, речь идет об отношении христианской общины к Израилю. И Марк, таким образом, решает сложную задачу объяснить, потому народ не принял своего Мессию. «Марк создает «теорию ожесточения»: выясняется, что это входило в замысел Бога»³. Существует теория, согласно которой все Евангелие от Марка было написано в полемических целях: для борьбы с теми из христиан, которые весь смысл Благой Вести видели в творении чудес, во власти Иисуса и их самих над естественным порядком вещей. Эсхатология поэтому для них лишалась какого-либо смысла. Таким образом, Евангелие от Марка направлено общине, которая сосредотачивалась исключительно на триумфе и славе Христа⁴. Евангелист Лука в рассматриваемом тексте не выносит никакого приговора над теми, кто входит в число «прочих». И, таким образом, несомненно сглаживает повествование Марка. Возможно, что его богословие не несет на себе тех нагрузок, которые мы обнаруживаем у Марка. Лука не считает, что между Израилем и Церковью не существует преемственности. В Израиле происходит раскол, потому что некоторые не верят; но по отношению к тем иудеям, которые уверовали, Божьи замыслы остались прежними и неизменными. То, что в состав народа Божьего теперь входят язычники, – не следствие неверия иудеев, а, напротив является результатом успешного благовестия среди иудеев, в ходе которого были многие обращены, после чего миссионеры понесли Весть язычникам, таким образом, исполняя обещание, данное Богом Израилю о присоединении к нему

¹ Аверкий (Таушев), архиеп. Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. – М.: ПСТГУ, 2005. – С.146.

² Лёзов С.В. Указ. соч. С.193.

³ Там же. С.185-186.

⁴ Лэдд Д.Э. Указ. соч. С.264.

язычников в последние времена. Поэтому и тема «разделения» в том виде, как мы ее видели, у Матфея не является главным лейтмотивом в повествовании Луки.

В этом отношении интересно отметить, что притча о сеятеле только у Луки непосредственно примыкает к притче о свече под сосудом, которую мы рассматривали выше. Как указывалось, Марк присоединяет эту перикопу традиционным «и говорил». И, исходя из этого можно предположить, что Лука включает перикопу о свече в качестве некоего комментария к тексту притчи о сеятеле, а конкретно к Лк. 8:10. В качестве подтверждения можно указать также на сходство, хотя и не лексическое, но смысловое текстов: Лк. 2:51; 2:21; 8:15. Отметим еще различную интерпретацию Ветхого Завета в рассматриваемой перикопе. Б. Линдарс замечает: «В Ин. 12:39-40 при помощи этого текста (Ис. 6:9-10) объясняется, почему отклик, порожденный миссией Иисуса и, в особенности, Его знамениями, оказался столь сдержанным; в Деяниях 28:25-28 этим же текстом обосновано изменение направления деятельности апостола Павла, а именно, обращение его проповеди уже не к иудеям, а к язычникам; а в Мк. 4:11-12 и в параллельных местах у синоптиков этот же текст отвечает на вопрос, почему Господь учил притчами. Конечно, все эти случаи имеют отношение к отклику на проповедь. Но подразумевается при этом отнюдь не одно и то же, а Марк от апологетики переходит совсем на другую тему»¹.

«Благая Весть есть Царствие Божие (Лк. 4:43; 8:1). Этим термином Лука обычно обозначает не божественную реальность, действующую на земле, как это понимает Матфей (Матфеева концепция Царства Божия исходит из ветхозаветных понятий и выражает прежде всего владычество Бога, хотя концепция этого владычества и отлична от осуществления светской власти), но Царство эсхатологическое, или небо, которое определяет наше поведение здесь на земле и требует нашей веры (напр., Лк.

¹ Цит. по: Данн Д.Д. Указ. соч. С.136.

13:27-29; 14:15; 19:11; 22:16-18). Поэтому притча о сеятеле у Луки не означает, как у Матфея и Марка, наличие Царствия, но является требованием веры. Иеремиас, не делая различия между повествованиями синоптиков, истолковывает притчу о сеятеле следующим образом: «...весть разделяет души людей. Сам Иисус не видит в этом ничего удивительного (Мк. 4:11). Эти слова, вызывавшие многочисленные дискуссии, имеют сильную палестинскую языковую окраску. В их нынешнем контексте они объясняют, почему Иисус говорит притчами: Он хочет, чтобы «внешние» и дальше пребывали в своей косности. Однако цель притч, безусловно, заключалась не в этом. Нынешняя связь Мк. 4:11 со словом «притча» является вторичной. Первоначально «притча» имело в этой логии значение не «притча», а «загадка» – как показывает параллельное «тайна». «Вам Бог открывает тайну Царства; тем же внешним все предстает в загадочных словах разве только они обратятся и Бог их простит». Это высказывание относится не только к притчам, но и ко всему провозвестию Иисуса. Иисус приписывает ему двойное воздействие. С одной стороны, оно открывает людям глаза на божественную тайну – что в самой радостной вести о милосердии Бога к нищим нечто от будущей Василии наступает уже сейчас. С другой стороны, Евангелие вновь и вновь становится причиной заблуждений. В этом предстоит убедиться ученикам (Мф. 10:13-15): в одном доме «мир» – то есть Божий мир конца времен, который они несут, – принимают, а в соседнем – отвергают и потому подлежат суду. Эти противоположные реакции людей заложены в самой природе радостной вести. Так как Евангелие предлагает величайшее благо, одновременно производит и величайшее несчастье. Рядом с милостью возникает вина»¹. Таким образом мы видим в перикопе о сеятеле в изложении евангелиста Луки несколько основных богословских тем:

1. Образ сеятеля и сеяния некоторым образом коррелирует с самой историей спасения, хотя ни в одном евангелии не говорится, кто есть

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.142-143.

Сеятель.

2. Христианский этос. И здесь особое значение имеет вера.
3. Эсхатология и эсхатологическая мотивация, (в том числе мотив «разделения»).

Тот факт, что апостол Лука сам происходил из язычников, также повлияло на передачу им притчи. В этой передаче мы видим меньше осуждения «прочих» чем у других синоптиков. Тот факт, что Лука намеренно передает цитату из пророка Исаии в урезанном, по сравнению с Матфеем, виде, красноречиво свидетельствует о том, что «труд Луки много потерял в иудейско-националистической окраске и в библейско-теократическом обосновании дела Христова»¹. И, вместе с тем, Лука не отрицает связи между иудеями и церковью. Вообще же, характеризуя богословские особенности данной притчи, надо сказать, что в этой важной перикопе богословие Луки выражено менее ярко, чем богословские особенности Матфея и Марка.

3.4. Притча о горчичном зерне

Перейдем теперь к анализу следующей притчи, представленной в тройной традиции: притче о горчичном зерне. Данная притча представлена в отрывках Мф. 13:31-32; Мк. 4:30-32; Лк. 13:18-19 (Приложение 4).

В тексте мы видим значительные расхождения. Есть основания предполагать, что евангелисты Матфей и Лука следуют в изложении данной перикопы не Марку, а гипотетическому источнику Q.

Легко видеть, что Матфей и Лука следуют традиции, отличной от Марка, при этом Лука дает более сжатую версию притчи, чем Матфей. В повествовании последнего перикопа занимает место между перикопой с притчей о плевелах и перикопой с притчей о закваске (Мф. 13:24-30 и Мф. 13:33), то есть следует ряду притч о Царстве Небесном. У Марка рассматриваемая перикопа располагается непосредственно после притчи о семени и предваряет чудо с усмирением бури. Кроме того, Марк включает

¹ Глубоковский Н. Н., проф. Святой апостол Лука, как евангелист и дееписатель. – София, 1932. – С.92.

еще маленькую логию о притчах (Мк. 4:26-29,33-34,35-41).

Что касается Луки, то он помещает перикопу с притчей о горчичном зерне в иной контекст. А именно: притче предшествуют: перикопа с силоамскими событиями, затем притча о смоковнице, исцеление в субботу согбенной женщины (Лк. 13:1-5,6-9,10-17). После притчи о горчичном зерне следует притча о закваске, логия о затворенных воротах (Лк. 13:20-21 и 13:22-30). Таким образом, мы видим, что Лука по-своему использует материал перикопы из Q источника, он помещает его в совершенно иной контекст, тем самым давая ему отличное от прочих евангелистов звучание. Обращает на себя внимание и тот факт, что у притчи по разным евангелиям – различный адресат. Матфей адресует эту притчу ученикам, которые приступили к Иисусу после первой притчи – о сеятеле. Место действия не говорено точно, но, по-видимому, это берег моря: «Вышед же в день тот из дома, Иисус сел у моря» (Мф. 13:1). У Марка не ясно, кому конкретно адресована притча: «Когда же остался без народа, окружающие Его вместе с двенадцатью спросили Его о притче» (Мк. 4:10). Кто эти «окружающие» и кто ушел от Иисуса и не слушал, таким образом, притчи, не ясно. Что же касается Луки, то он помещает событие в синагогу, где Господь только что исцелил скорченную женщину. А адресатом несомненно является народ, бывший в синагоге («И весь народ радовался о всех славных делах Его» (Лк. 13:17)). Контекст, в который помещает Лука притчу о зерне горчичном, не оставляет сомнения в том, что он хочет показать, к чему ведет неверие иудеев и каково следствие веры тех, кто следует за Иисусом. Еще в предыдущей, 12-ой главе Лука обличает фарисеев в их неприятии Его как Мессии: «Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими; А кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими» (Лк. 12:8-9). За помещением притчи о зерне и притчи о закваске в это место Евангелия угадывается мотив разделения, столь присущий притче о сеятеле, рядом с

которой и находятся они у Матфея. У евангелиста Матфея притча о зерне горчичном говорит о малом начале Царства и о его всеобъемлющем значении. Аналогичное значение она имеет и у Марка. «Если в притче о сеятеле сплелись два ряда мыслей: о том, что произрастает, и об условиях произрастания, и сопоставление семян, погибающих и семян, дающих плод, могло звучать и как предостережение, то новые две притчи говорят только о том, что произрастает. Они содержат учение о Царстве Божиим по существу»¹.

Несмотря на то, что притча звучит в эсхатологическом контексте, тем не менее и у Луки говорится о том, что Царство Божие, начинаясь с незначительной малости, постепенно вырастает до громадных размеров. Первые свидетельства поражения сатаны, такие, как исцеление согбенной женщины в предшествующем отрывке, незаметны для мира, но невзирая на противодействие, которое встречает служение Иисуса, они являются залогом Его окончательной победы»².

И двенадцатая и тринадцатая главы могут служить некоторым введением в синоптический апокалипсис семнадцатой главы Евангелия от Луки. Особенно выразительны здесь сравнение учеников со слугами, ожидающими своего господина с брака (Лк. 12:36), а также стих Лк. 12:56 или Лк. 13:25-30. Что же касается образа, который использует Господь в этой притче, то горчичное зерно часто упоминается в раввинистических источниках для описания предметов крохотных размеров³.

Интересно отметить, что Лука помещает перикопу о горчичном зерне в период времени, когда Иисус грядет на Страсть. Как мы уже указывали, исцеление женщины служит отрицательным раскрытием учения о Царстве Божии. Однако и ранее этого события, учение о Царстве раскрывается

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.70.

² Маршалл Г. Толкование Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 2004. – С.167.

³ Роджерс Клеон Л. младший, Роджерс Клеон Л. III. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 2008. – С.93.

отрицательно. «Когда семьдесят приходит к Господу с отчетом о выполнении возложенного на них служения, они радостно свидетельствуют: «Господи, и бесы повинуются нам о Имени Твоем» (Лк. 10:17). Свидетельство учеников не вызывает возражений со стороны Учителя. Он признает, что «духи им повинуются», и что они имеют от Него «власть наступать на змей и скорпионов и над всей силой вражией, и ничто не повредит им», но мы только что видели, что служение семидесяти имело содержанием благовестие Царства. Поражение сил зла есть отрицательный аспект явления Царства. Несколько позже, исцелив в синагоге в день субботний скорченную женщину, Господь свидетельствует перед народом, что она была связана сатаной восемнадцать лет. Путь на Страсти, которые приводят к славе, сопровождается борьбой с силами зла и неизбежным их посрамлением. Но не на этом отрицательном аспекте останавливается Господь, когда открывает ученикам сущность Царства. Его внимание сосредоточено на положительной стороне. И учеников Он призывает радоваться не тому, что духи им повинуются, но «тому, что имена их написаны на небесах» (Лк. 10:20). И в ликование Духа Святого обращаясь к Отцу, Он славословит Его, Господа неба и земли, за то, что Он «утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (10:21)». Далее епископ Кассиан (Безобразов) объясняет значение стиха 22 десятой главы Евангелия от Луки и, наконец, заканчивает: «Положительно, Царство Божие понимается как причастие верующего Божественной полноте, иначе говоря, как обожение. Сказанное ученикам в начале пути раскрывается и конкретизируется в дальнейшем. Только в этой связи становятся понятными притчи о зерне горчичном и о закваске, отнесенные у Луки к пути на Страсти»¹.

3.5. Притча о закваске

Будет логично отступить от темы данной работы в пользу евангельской последовательности и рассмотреть здесь притчу о закваске,

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. С.60.

хотя она и относится к группе притч, представленных в двойной традиции. Данная притча представлена в отрывках Мф. 13:33, Лк. 13:20-21 (Приложение 5).

Здесь мы не будем останавливаться на филологических тонкостях. Скажем только о том, что евангелисты Лука и Матфей в этой короткой притче употребляют четыре слова, два из которых («прячу», «скрываю» или «кладу в», «мера емкости», «пшеничная мука»¹) не употребляются больше ни разу в Новом Завете, а одно только дважды у апостола Павла в 1Кор.5:6 и Гал.5:9 и обозначает – «вызываю брожение», «заквашиваю». Это свидетельствует о специальном следовании тексту гипотетического источника Q. Относительно образа, использованного евангелистами для иллюстрации учения о Царстве, то протоиерей Леонид Грилихес замечает следующее: «Я уверен, что мало кто из наших современников улавливает связь между этой притчей и Ветхим Заветом. Но вряд ли такая связь ускользнула бы от аудитории слушателей Спасителя, которые знали Писание наизусть или, по крайней мере, близко к тексту. В Быт.18:6 Авраам спешит к Сарре и говорит: замеси три меры муки.... Эта аллюзия на ветхозаветный рассказ придает жене из притч более конкретные черты – возникает ассоциация с Саррой, которая на фонетическом уровне очень искусно откликается игрой слов: «закваска» и Сарра»². Комментируя притчу о закваске, Г. Маршалл отмечает: «Вторая притча усиливает значение первой (имеется в виду притча о зерне горчичном). Закваска – небольшая порция старого квасного теста, которое добавлялось в новый замес с целью заквасить его. Действие закваски, незаметное вначале, в конце концов охватывает все тесто. Мера – объем, равный 13,13 литрам. Три меры муки дадут огромное количество теста – выпеченным из него хлебом можно

¹ Рейлинг Дж., Свелленгребель Дж. Л. Комментарии к Евангелию от Луки: Пособие для переводчиков Священного Писания. – М.: РБО, 2000. – С.605.

² Грилихес Л., прот. Евангельские притчи и вне библейские языковые данные. С.22.

накормить более 150 человек»¹. Притча о закваске значительнее притчи о горчичном семени. Если в последней речь идет о постепенности возрастания Царства Небесного, то в первой тесто, вскисающее от малой закваски качественно отличается от той муки, в которую закваска была вложена. «Притча о закваске являет сущность Царства, как иного бытия. Оно получает свое исполнение в эсхатологическом свершении. Чем ближе Господь к Иерусалиму, тем большее место в Его благовести занимает эсхатология»². Настоящая притча особенно интересна тем, что заключает в себе возможность взаимно противоположного толкования образов, в нее входящих. Например, блаженный Феофилакт Болгарский предлагает аллегорическое толкование, в котором под женщиной понимается душа, сердце и воля. Кто в эти три силы сокроет учение Спасителя, тот сделает их совершенно духовными, так что разум не будет сомневаться в учении, а сердце и воля не будут стремиться к неразумному, но вскиснут и уподобятся слову Божию³. Или толкование святителя Иоанна Златоуста, который говорит: «Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так и вы (апостолы) преобразите целый мир»⁴. Приведем еще толкование святителя Афанасия Александрийского: «Человек, приобретающий и малую закваску добродетели, хотя не умел охлеботворить оную, однако же имел такое намерение, но не возмог исполнить одного по беспечности, или по нерадению, или по недостатку мужества, и потому, что отлагал сие со дня на день не останется в забвении у праведного Судии, когда он нечаянно будет застигнут и пожат. Бог, по смерти такового, возбудит ближних его, и подвигнутые сим, поспешат они подать ему помощь и пособие. А кто, покрытый весь терниями, ведет худую жизнь, исполненную нечистоты; кто никогда не приходит в сознание, небоязненно и равнодушно

¹ Маршалл Г. Указ. соч. С.167.

² Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. С.61.

³ Феофилакт Болгарский, блж. Указ. соч. С.173-174.

⁴ Цит. по: Аверкий (Таушев), архиеп. Указ. соч. С.148.

погружается в смрад сластолюбия, исполняя всякие плотские пожелания, вовсе не заботясь о душе, предаваясь совершенно плотскому образу мыслей: тому, если он, застигнутый в таком состоянии, переселится из сей жизни, никто, конечно, не может подать руку помощи, и участь его будет решена, так что ни жена, ни дети, ни братья, ни родные, ни друзья, ни мало не помогут ему»¹.

Наряду с тем, что мы уже сказали об этой причине, приведенные толкования представляют собой, если так можно выразиться, положительное мнение о притче. Наряду с ним существует и отрицательное. Суть его заключается в том, что образ закваски рассматривается как негативный. Действительно, образ закваски в раввинистической литературе весьма часто рассматривался как образ отрицательный. В притче тогда речь идет о ересь, примесь которых может вредить распространению чистого евангельского учения. По мнению толкователей, придерживающихся подобного взгляда, женщина означает церковную схизму, которая, со своими служителями, часто предстает под этими образами в Ветхом Завете (Притч. 9:13; Зах. 5:7-11). Главным доводом в пользу такого взгляда употребление образа закваски в отрицательном смысле (Лк. 12:1; 1 Кор. 5:7; Гал.5:9). Подборку античных свидетельств об отношении к квасному дает архиепископ Тренч в цитированной выше работе². В связи с притчей о плевелах наша притча должна бы тогда означать предостережение против обмирщения. По мнению епископа Кассиана (Безобразова) такое толкование может быть признано остроумным, но не более. «В притче – такое же противоположение между малым началом всеобъемлющим достижением, как в притче о зерне горчичном, с которой она непосредственно связана и в Евангелии от Матфея и в Евангелии от Луки, и которая в нашем контексте стоит между ней и притчей о плевелах. Толкование должно считать с параллелизмом. Царство Небесное от малого начала отличается не только всеобъемлющей полнотой, –

¹ Цит. по: Бухарев И., прот. Указ. соч. С.225.

² См.: Тренч, архиеп. Указ. соч. С.99.

оно предполагает и коренное внутреннее преобразование той среды, где оно зачинается. Эта среда есть мир»¹.

Образ закваски не всегда в Ветхом завете означал злое начало, представление же о Царстве как силе, преобразующей мир (общество) медленно и постепенно, может казаться привлекательным для мира знакомого с понятиями прогресса и эволюции, но одинаково чуждо взглядам и Иисуса и иудеев². Историческому контексту служения Иисуса, по мнению того же автора, больше соответствует такое толкование: основная мысль притчи в несоразмерности количества муки и количества закваски. Именно в этом заключено различие между этой притчей и притчей о семени горчичном. Ведь Господь акцентирует внимание на том, что все тесто вкисло, а не на не большом количестве закваски. Если притча о горчичном семени говорит нам о том, что проявление Царства будет подобно высокому дереву, хотя оно мало как семя, то притча о закваске учит нас, что Царство распространится так, что ему не будет равных. Все тесто скиснет³.

Мы уже говорили о связи данной перикопы с тем, что Господь преподает ее, по евангелисту Луке, во время своего шествия в Иерусалим. Действительно, «притча имеет смысл, только если рассматривать ее в жизненном контексте служений Иисуса. То, что эсхатологическое Царство будет могущественным и неодолимым, понимали все иудеи, Пришествие Царства означает полное изменение всего миропорядка. Зло ныне существующее в мире и обществе, будет уничтожено, когда придет Царство Божье. Проблема заключалась в том, что служение Иисуса не вело к такому преображению. Он проповедовал присутствие Царства Божия, но мир остался прежним. Как же Царство могло быть таким?»⁴. Притчи Господа, в которых говорится об органическом, постепенном процессе, «о сеятеле», «о

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея. С.104.

² Лэдд Д.Э. Указ. соч. С.115.

³ Там же. С.115.

⁴ Там же. С.115-116.

посевах и всходах», «о плевелах», «о горчичном зерне» и «о закваске» – очевидным образом стоят в предваряющей позиции: они обозначают событие, которое берет свое начало тайно и неприметно и откроется во всем своем мирообъемлющем величии лишь на Страшном Суде. Подобное расположение притч, по крайней мере у Матфея, обязывает к осторожности, когда речь заходит о возможном противопоставлении этих притч мотиву близкого ожидания, вступающему в Евангелии позднее, и о том, чтобы с самого начала привлечь их как образ длительного внутриисторического периода Развития Царства Божия. Под этим «ростом» Царства подразумевается в первую очередь не исторический процесс, а внутренняя встреча мира как он есть «поле есть мир» со словом Божиим, их соприкосновение, взаимопроникновение и преобразование через некое «заложное (для роста)» событие. «Иисус отвечает, что когда в большое количество теста кладут немного закваски, кажется, что ничего не произошло. Но в действительности происходит нечто такое, что тесто в результате полностью преобразуется. И не важно, как именно совершается преобразование. Идея Царствия Божьего, покоряющего мир, постепенно проникая в него и изменяя его изнутри, была абсолютно чуждой иудейскому мышлению. Если Иисус имел в виду именно это, Ему, без сомнения, пришлось бы повторять эту истину снова и снова, как приходилось повторять неслыханную истину о том, что Сын Человеческий должен умереть»¹. Х. У. фон Бальтазар замечает: «Отсюда виден мир во всей его универсальности, а не только Израиль и Церковь; это – предмет всеобъемлющего взгляда, исходящего из начала, которому в качестве цели, сопоставлена мировая жатва, жнецы на которой – ангелы. Событие начала есть самое неприметное, событие конца – наиболее откровенное, из его сферы уже ничего не может ускользнуть. Поэтому путь от самого малого к величайшему может предстать лишь в образе «роста» и как таковой требует времени. Период этого роста

¹ Лэдд Д.Э. Указ. соч. С.116.

очевидно не совпадает с периодом жатвы, и это относится равно к «плевелам» и «всходам». Он есть время ожидания для сеятеля, но и время терпения – для его рабов, которые предпочли бы выполоть плевелы: время свободного развития некоего внутреннего качества «горчичного зерна» и «закваски», могущего пробиться наружу неминуемо и «автоматически», аитоцатп (во «всходе») и вместе с тем зависящего от качества почвы в сеятеле»¹. Тогда суть притчи – в противопоставлении окончательной и полной победы Царства при наступлении нового миропорядка настоящей, скрытой форме Царства, пришедшего в мир ныне. Трудно было представить себе, что Иисус и небольшая группа Его учеников имеют что-то общее с будущим славным Царством Божиим. Однако Царство действительно уже присутствовало в мире. Это и есть тайна, новая истина о Царстве. Как и когда пойдет будущее царство, в этой притче не говорится.

Подводя некоторый итог анализа перикоп с притчами о зерне горчичном и закваске, надо отметить тот факт, что евангелист Лука не случайно помещает эти перикопы в контекст и приближающихся Страстей. Для него обе эти притчи, хотя и с различной нюансировкой, отвечают на существенный вопрос эсхатологического Царства. Царство Небесное имеет будущностный аспект, связанный со Вторым Пришествием². И Лука отвечает на вопрос о том, когда же придет Царстве Божие отрицательным «не придет Царствие Божие приметным образом...» (Лк. 17:20). Потому что эсхатологическое правление Бога уже реализуется в словах и делах Иисуса из Назарета. Ожидание Царства уже сбылось, но само Царство еще не осуществилось³. Притчи раскрывают истинный характер длительности и исторического роста, начиная от посева семени Сыном Человеческим – и до мировой жатвы ангелов». В это время действует самодейственное жизненное зерно, в котором Христова Церковь должна обрести помощь себе и развитие

¹ Бальтазар Х. У. Целое во фрагменте. – М.: Истина и жизнь, 2001. – С.162.

² Моррис Л. Указ. соч. С.173.

³ Данн Д.Д. Указ. соч. С.55.

– вплоть до наступления жатвы. Каковы могут быть различные стадии этого развития, перечисленные в притче «о посеве и всходах» (Мк. 4:26-29), «об этом мы не можем ясно судить... Но сама сущность этого образа роста и его основная мысль говорят о том, что истинный рост, без остановок и возвращений, должен продолжиться даже и при наступлении Царства Божия на земле – до самого дня исполнения»¹.

3.6. Притча о злых виноградарях

Рассмотрим теперь следующую притчу из числа входящих тройную традицию, а именно: притчу о злых виноградарях (Мф. 21:33-45; Мк. 12:1-12; Лк. 20:9-19) (Приложение 6).

Все три евангелиста помещают перикопу с притчей о злых виноградарях после торжественного Входа Спасителя в Иерусалим. Однако внутри большого блока, содержащего нашу перекопу существуют и различия. Так, например, Матфей помещает перед притчей о виноградарях притчу о двух сыновьях, которая содержится только у евангелиста Матфея (Мф. 2:22-31). Также и после исследуемой притчи Матфей помещает материал, который отсутствует у других евангелистов: притчу о брачном пире. Кроме того, в самом материале перикопы наблюдаются значительные колебания. В стихе 33 у Матфея владелец виноградника называется не просто «человек», как у Марка, а «хозяин». За плодами он посылает не одного слугу, а слуг во множественном числе (22:34) и их постигает различная участь (22:35). Также и во второй раз посылает не одного слугу, а многих, о которых Матфей сохраняет и ту существенную подробность, что их было больше прежних (22:36). Мк. 12:5 не имеет параллели у Матфея. В этом случае также упоминается слуги во множественном числе и различная участь, их постигшая, непосредственно перед явлением сына. Сын же называется просто (22:37). Возможно, что и в Евангелии от Марка стих (12:6) значит: «единственный сын» (ср.: Мк. 1:11), где, однако, стоит член даже при

¹ Бальтазар Х. У. Целое во фрагменте. Указ. соч. С.164-165.

сказуемом, но только у Матфея понятие «сын» имеет значение вполне определенное. Наличие члена и отсутствие определения приводит такое впечатление, как будто писатель был уверен, что понимание может быть только одно»¹. Важное значение имеет также особенность, которую имеет Матфей в стихе 39. Также следует отметить добавление Лукой фразы: «Да не будет» (Лк. 20:16).

Обратимся теперь к содержанию притчи. По мнению С.В. Лёзова, притчей с ярко выраженным символизмом и аллегорией является притча о злых виноградарях. «В синоптических евангелиях имеется одна притча, которая, по-видимому, с самого начала имела аллегорический характер, – притча о злых виноградарях. Здесь аллегорический смысл задан литературной связью с известной притчей-иносказанием о винограднике из книги пророка Исаии (Ис. 5:1-7), где виноградник – метафора «дом Израилева» (Ис. 5:7), «хорошие гроздьи» (Ис. 5:2) – следование воле Бога и т.д.»². Иеремияс выделил ядро притчи, в котором имеется только то, что виноградник был взят от мятежных арендаторов и предан другим – нищим. Арендаторы, по его мнению, – это вожди религиозных течений, современных жизни Иисуса Христа, но слуги – не пророки, а сын – не Сам Иисус Христос. В самом деле, первоначально в притче был лишь один слуга, который дважды был послан назад. Автор, опираясь на тщательный анализ синоптических изложений притчи и на сравнение с изложением апокрифического евангелия от Фомы, пришел к выводу, что «потенциальный аллегорический элемент» получил настоящее развитие лишь в раннехристианской традиции, а основа притчи принадлежит Иисусу, Который в ситуации полемики с идеологами еврейской общины сознательно использовал знакомый его слушателям образ из книги пророка Исаии³. Вот что пишет он в комментарии на Луку: «Иисус рисовал из жизни, когда Он

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея. С.139.

² Лёзов С.В. Указ. соч. С.125.

³ Там же.

рассказывал эту историю и адресовал ее слушающим, чтобы они нашли иллюстрацию их собственной позиции по отношению к Богу»¹.

Каждый еврей, слушающий эту историю, должен был вспомнить притчу пророка Исаии, в которой виноградник представлял Израиль. Было неизбежно, что еврейские авторитеты узнали, что притча направлена против них. Также неизбежно было, что, будучи истолкована как часть учительной традиции древней Церкви, она (притча) стала трактоваться как аллегория. Землевладелец был идентифицирован с Богом, слуги – с пророками, сын – с Иисусом, арендаторы – с еврейскими учителями и старейшинами, «другие» – с язычниками, вошедшими Церковь». Башня – с горой Сион с ее храмами. Историческая канва притчи выглядит следующим образом. На оккупированных территориях, подобных Палестине, многими поместьями владели иностранцы, которые сдавали их в аренду, чтобы арендатор отдавал за право владения часть ежегодного продукта. Среди евреев была распространена плата деньгами, но значительно в меньшей степени, чем плата натуральная. Если же это была плата натурой, то она могла быть различной по характеру выплат: фиксированное количество продукта (вне зависимости от того был хороший урожай или плохой); или чистая пропорция: четвертая или третья часть урожая. Эта последняя система приводила к большим спорам и мошенничествам. Арендаторы в притче имеют долгий срок аренды, т.к. время «собираения» плодов, по закону левитов, наступало не прежде пяти лет после насаждения винограда (Лев. 19:23-25). В течение этого времени виноградари могли считать себя не наемными работниками, а собственниками, и это служит также к объяснению произошедшего². Кроме того, экономическая депрессия и национальные беспорядки вполне могли искушать арендаторов к утаиванию ренты в отсутствие землевладельца, даже прибегать к силе и, в конце концов, к убийству. Если из-за смерти землевладельца имение объявлялось «ничейной

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.162.

² Тренч, архиеп. Указ. соч. С.175.

собственностью», то фактический арендатор имел первоочередное право на обладание имуществом. Из этого и того, что притча является аллюзией на пророчество Исаии, Иоахим Иеремиас и делал вывод, отрицающий аллегорический элемент в рассматриваемой притче¹. Однако даже доказательство того, что рассматриваемое повествование носит аллегорический характер, не означает того, что каждая его сторона имеет аллегорический смысл. Архиепископ Тренч, допускающий аллегорический характер притчи, замечает, что «ограда, точило, давящий пресс, башня, «другая страна», плоды и наружная сторона виноградника не имеет аллегорического значения, и что виноградник и рабы не могут быть вполне отождествлены»². Аллегорическое толкование не может претендовать на объяснение каждой детали трех повествований. Однако оно облегчает историческую и теологическую ориентацию на основной предмет притчи, а именно – Самого Господа и Бога нашего Иисуса Христа. Подобного мнения придерживается и епископ Кассиан (Безобразов). Приведем здесь большую выписку из его толкования на интересующую нас притчу. «Как и в каждой притче, не все подробности нуждаются в толковании и допускают его. Общее толкование вытекает из Мк. 12:12. Иудейские начальники «поняли, что о них Он сказал притчу». Злые виноградари – это они. Слуги – это пророки, предварившие пришествие Сына. Притча имеет значение философии истории. Поскольку она обращена к прошлому, к тому греху, который над иудейством уже тяготеет, она имеет то же значение, что и символические акты. Епископ Кассиан имеет в виду изгнание торгующих из храма³. Точки соприкосновения наблюдаются и в частности. Виноградник допускает сопоставление с храмом, плоды – со смоквами. Но притча обращена не только к прошлому. Она дает осмысление настоящего и будущего. Притча – пророческая. Когда Господь ее говорил, тогда убийство Сына еще не

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.167.

² Тренч, архиеп. Указ. соч. С.175.

³ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.184.

совершилось. Но притча говорит и не только об убийстве Сына. Ее заключение содержит большее. По слову Писания (Пс. 117:22-33), Сын есть камень, который отвергли строители, но который стал во главу угла. Отвержение есть убиение. А положение во главу угла? Представление об Иисусе как о краеугольном камне в основании Церкви мы встречаем у апостола Павла в Еф. 2:20-21. Но мы его встречаем и у апостола Петра в 1 Петр. 2:4. Последнее обнаруживает многочисленные точки соприкосновения с Еф. 2:20-21 и может быть понимаемо как обращенное к тем же читателям подтверждение учения уже умершего Павла. Но у Петра могло быть в уме и слово Самого Господа в притче о злых виноградарях. Недаром этот же образ камня, отвергнутого строителями, но ставшего во главу угла, апостол Петр приложил к Иисусу в защитительной речи перед синедрионом... Слово о Сыне как о камне, не только отвергнутом, но и краеугольном, должно быть понимаемо как новое указание на предстоящие страсти и Воскресение. Притча о злых виноградарях как заключение символических актов вызывает решительное наступление на Иисуса со стороны представителей различных религиозных групп (в ответе Иисуса на искусительные вопросы) раскрывается учение о Царстве Божием. Царство Божие есть цель, которая стоит перед Иисусом. Она предполагается и обличением символических актов, и философией истории в притче о злых виноградарях»¹.

После того как мы остановились несколько на богословском смысле рассматриваемой притчи, необходимо ответить на вопрос, какие особенности изложения данной перекопы мы обнаруживаем у евангелиста Луки и как это влияет на богословие, изложенное в притче.

Евангелист Лука опускает в своем Евангелии подробности, описывающие устройство виноградника. Однако он дает адресат притчи: «И начал Он говорить к народу притчу сию» (Лк. 20:9). Здесь мы видим паузу в

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.111-112.

повествовании Луки, потому что предыдущая речь Иисуса была направлена к делегации от синедриона. Однако, когда Он говорил к народу, Он также говорил и к начальникам еврейским, которые все еще стояли, размышляя над словами Господа. Мы уже отмечали характерную особенность Луки, который всегда в этой притче говорит об одном слуге, в отличие от Матфея. Отношение к этому слуге становится все хуже и хуже, пока ситуация не достигает кульминации в убийстве сына. И у Матфея и у Марка нет столь драматического нарастания: и другие посланники были убиваемы до того, как был послан сын. Особого внимания заслуживает стих 15: «И выведши его вон из виноградника, убили». Убийство сына происходит вне виноградника. Евангелист Марк, передавая эту перекопу, помещает событие убийства сына не вне виноградника, а наоборот, внутри него. Матфей обнаруживает чтение, сходное с Лукой. Было также обращено внимание на то, что в Мф. 21:39 имеет ту же форму, что и Мк. 12:8, однако большинство рукописей, и, притом древнейших, – имеют форму отличную. Епископ Кассиан (Безобразов) полагает, что именно из Матфея и заимствовал Лука этот пассаж¹. Матфей, как известно, направлял свое Евангелие прежде всего иудео-христианам. К ним же было направлено и послание апостола Павла (к евреям). Но как раз в этом послании мы находим указание на то, что Христос пострадал вне врат. (Евр. 13:12). Его смерть вне врат была исполнением ветхозаветного прообраза дня очищения (ср.: Лев. 16:21-22). Притча является определенным ключом к будущему. На это по мнению указывает форма вопроса. Весьма интересно дополнение Луки в стихе 16. Сравнение этого места с Матфеем позволяет с определенной долей уверенности говорить о том, что последний делает особый акцент на наказании злых виноградарей. И к числу этих наказаний относится также передача виноградника другим виноградарям, которые «будут отдавать ему плоды во времена свои». Лука, следуя Марку, делает акцент на этой передаче полномочий отсутствием

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея. С.139.

рассуждений о причине наказания, которая имплицитно содержится в параллельном тексте Матфея. В притче мы видим три момента: 1. землевладелец придет скоро; 2. накажет неверных; 3. передаст имение другим. Евреи были хорошо знакомы с идеей того, что язычники войдут в Мессианское Царство. Например, пророк Исаия говорит: «И будет в последние дни, гора дома Господня поставлен во главу гор, и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: придите, и взыдем на Гору Господню, в дом Бога Иаковля, и научит Он нас Своим путям; и будем ходить по стезям Его. Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима» (Ис. 2:2-3). Аналогичное место находим и у пророка Иеремии: «В то время назовут Иерусалим престолом Господа; и все народы ради имени Господа соберутся в Иерусалиме и не будут более поступать по упорству злого сердца своего» (Иер. 3:17). Однако эти язычники, о которых говорят здесь пророки, понимались ортодоксальными евреями как те, которые не принимали участия в притеснении евреев, но помогали им. Поздний иудаизм отрицал такое право даже и за последними. И вот, здесь в притче, отказывается во входе в обетованное Мессианское Царство даже евреям, в пользу презираемыми ими язычников. При этом первые лишены спасения даже для остатка, который, как мы видели, должен был быть спасен из среды язычников. Именно этого ужаснулись стоящие вокруг Иисуса люди: «Да не будет!».

Итак, мы видим, что Лука в данной притче поддерживает общие для других евангелистов синоптиков богословские темы, при этом он «собирает» повествование из фрагментов двух других синоптиков, где надо, по-своему его дополняя. Лука не идет по пути Матфея, желавшего подчеркнуть неудачу Израиля и ее последствия. Вообще для него характерна тема преемственности. Новый Израиль – Церковь – наследует Ветхому Израилю. «Иудеи в целом не признали Христа, но это не означало, что замысел Бога не

осуществился. Стало очевидно, что план распространяется и на язычников»¹. По-видимому для Луки «другие» виноградари и есть язычники. Матфей же подчеркивает, что «народ» в Мф. 21:43 – это не просто «язычники», которые «заменяют» «иудеев». Для Матфея принадлежность к истинному народу Божию определяется не национальной принадлежностью, но только на основании покаяния и веры, потенциально доступных всем иудеям и язычникам². В пользу того взгляда, что Лука подразумевает под «другими» язычников весьма красноречиво говорят его другие пассажи, например, Деян.13:44-51 и 28:17-18. Но такое понимание притчи и ее места в Евангелии от Луки противоречиво бы богословию Луки, который как мы уже имели возможность видеть, говорит о расколе в Израиле: на верующих израильтян и неверующих. Рассматриваемую притчу необходимо понимать в свете ветхозаветных принципов. Тогда станут, ясны и приведенные места из Деяний. Действительно, спасение язычников в Евангелии от Луки представляет нам в ветхозаветной перспективе: процесс их спасения был предсказан и начался именно в Ветхом Завете. Хотя, например, Леон Моррис, рассматривая универсальность спасения в Евангелии от Луки, и не приводит рассматриваемой притчи в качестве примера, однако можно говорить, что перекопа с притчей о злых виноградарях так же несет на себе некоторые констатации идей универсализма³. В подтверждение этого приведем замечание С.В. Тищенко: «Согласно этой притчи Бог обращается к народам (язычникам) из-за неотзывчивости Израиля. Новый народ Божий евангелист Матфей отождествляет с общиной Сына Человеческого – еkkлeсией, которую Иисус должен основать на скале (Петре) и которую не одолеют силы преисподней. «Закваска» еkkлeсии – община учеников Иисуса, «остаток» национального Израиля, – служит звеном, соединяющим общину с историческим Израилем, с его прошлым: Авраамом и Моисеем, пророками и

¹ Моррис Л. Указ. соч. С. 208.

² Лэдд Д.Э. Указ. соч. С.249.

³ Моррис Л. Указ. соч. С. 208.

Торой. Вместе с тем пути Сына Человеческого – не просто продолжение путей старого Израиля. Это и решительный разрыв с традицией, которую воплощает фарисейский иудаизм. Сам выбор слова «церковь», «собрание» для обозначения общины учеников Иисуса показывает сознательное дистанцирование евангелиста от еврейской общины, которая, как и некоторые раннехристианские общины, называлась синагогой. Акт учреждения еkkлeсии придает общине учеников характер нового начала. Вместе с язычниками, которые приходят с востока и запада, и со святыми прошлого они образуют новую сущность, узы которой преодолевают не только религиозные и этнические границы, но и границы жизни и смерти. Итак, концепции национального Израиля противопоставляется универсальная еkkлeсия «всех народов»¹. Сравнивая окончание притчи о злых виноградарях в евангелиях от Луки и от Матфея, нельзя не заметить разницы: у Матфея Церковь конституируется посредством радикального разрыва с прошлым, а у Луки она возникает в ходе непрерывного потока событий, направляемых Божественным Провидением. Лука постоянно подчеркивает существование исторической преемственности между Израилем, Иисусом, Его учениками, протохристианской иерусалимской общиной и нееврейскими христианскими общинами. Последние рассматриваются Лукой как продолжение благочестивого Израиля. В самом деле, в Израиле, который некогда отвергал пророков, а теперь отвергает Иисуса и Его апостолов, всегда находились люди, принимающие божественные обещания и распознающие их исполнение².

3.7. Притча о смоковнице

Перейдем теперь к последней притче, представленной в тройной традиции: притче о смоковнице и всех деревьях. Данная притча представлена

¹ Тищенко С.В. Основные мотивы интерпретации Матфея //Канонические евангелия. – М.: Восточная литература, 1992. – С.198-199.

² Тищенко С.В. Основные мотивы интерпретации Луки //Канонические евангелия. – М.: Восточная литература, 1992. – С.274.

в отрывках Мф. 24:32; Мк. 13:28; Лк. 21:29-30 (Приложение 7).

Богословский смысл значения притчи о смоковнице и других деревьях естественно надо искать в рамках более крупного единства, а именно – в контексте эсхатологии соответствующих глав синоптических евангелий. Хотя русский синодальный перевод и дает нам у Матфея и Марка совершенно одинаковый текст притчи и ее окружения, однако в греческом тексте мы находим некоторые несоответствия. Текст же евангелиста Луки имеет еще больше отличий от двух других синоптиков.

Легко видеть, что Матфей следует Марку с большой точностью, в то время как Лука сильно перерабатывает материал. Это касается не только лексики, но и изложения в целом. Особенно характерным является изменение Лукой выражения «близ» при дверях». Вместе с предшествующим «все силы» этот стих толковался по-разному различными комментаторами. «Вопрос о значении этого выражения был «камнем преткновения» для многих экзегетов. Говорили, что при ответе на этот вопрос одно абсолютно несомненно, что тут не разумеется «все», о чем пророчески говорилось в непосредственно предшествующих стихах, или же вообще о том, что сказано об этом с начала главы. Но о чем же? Златоуст разумеет здесь, «то что случилось с Иерусалимом: войны, голод, мор, землетрясения, лжехристов, повсеместное распространение Евангелия, мятежи, раздоры и все, что должно случиться до Его пришествия». Ответы на этот вопрос у других комментаторов темны. Говорили, например, что под «все» разумеется то, что дало повод к откровению, данному Христом. Вероятнее всего предполагать, что здесь разумеются вообще признаки времен, о которых говорил Христос в 24-ой главе Евангелия от Матфея. Как по действиям человека можно судить об его характере, наклонностях и привычках, так и по явлениям, бывающим в человеческом обществе и во всем мире, можно

судить о состоянии общества и всего мира»¹.

Как мы уже говорили свой смысл и значение притча получает в контексте более крупного единства. Для Евангелия от Матфея это главы: 24-25, для Евангелия от Марка – 13-ая глава, а для Евангелия от Луки – главы 21 и 12-ая, а также и 17-ая. Хотя приведенный нами фрагмент текста на греческом языке и говорит о большом сходстве между Матфеем и Марком, однако для указанных глав это в общем случае не верно. Матфей и Лука используют гипотетический источник Q и свой собственный материал для живописания картин будущего. Например, в Евангелии от Матфея, в отличие от Марка, не названы ученики, задающие вопрос о времени разрушения Храма. Кроме того, и сам вопрос по-разному представлен у всех троих евангелистов. Отрывок Мф. 24:10-12 отсутствует и у Луки, и у Марка. Мф. 24:14 и Мк. 13:10 отсутствует у Луки, но, кроме того, это место по-разному выглядит и у тех евангелистов, у которых это место присутствует. Можно было бы привести еще множество примеров того, как по-разному представлен материал интересующей нас перикопы у синоптиков и как по-разному обрабатывают они этот материал. Для нас важно выяснить, одинаковое ли значение имеют у евангелистов описываемые ими знамения или различное. Характерным является в этом отношении отсутствие в повествовании Луки вопроса учеников о времени Второго Пришествия. Марк добавляет в вопрос имена учеников, однако тоже умалчивает о Втором Пришествии. Вместе с тем странно отсутствие упоминания о том, что Евангелие будет проповедано по всей вселенной. Это упоминание мы находим и у Матфея, и у Марка. Лука, опускает эту подробность, однако в Лк. 21:31 дополняет других евангелистов тем, что открыто, говорит о Царстве Небесном, а не ограничивается только намеком на то, что оно «близко, при дверях». Окружение Иерусалима войсками, связанное, по Луке, с

¹ Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. /под ред. А.П. Лопухина. Т.3. – СПб.: Приложение к журналу «Современник», 1913. – С.376-377.

днями отмщения и «гневом на народ сей» (Лк. 21:23), ведет к попранию Иерусалима язычниками. Это, в совокупности с знаменами на солнце, луне и звездах, а также страхом и ожиданием бедствий и самим пришествием рассматривается Лукой как избавление, или точнее приближение избавления верующих (Лк. 21:28). У Матфея тоже есть подобное место: «И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласной, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Мф. 24:31). Однако явно здесь не выражена идея освобождения. Лука предупреждает: «Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (Лк. 21:36). Эсхатологическая речь Спасителя, как мы видим, у евангелистов имеет различное звучание. Например, Матфей останавливает свое внимание на христоцентрическом ударе пророчества о конце¹. Однако трудности понимания места притчи составляет не это. Они связаны с вопросом о продолжительности эсхатологической эпохи. И Марк, и Матфей писали свои евангелия во времена, предшествующие разрушению Храма. В речи всех троих синоптиков есть указание на то, что все бедствия, описываемые ими, будут иметь место при жизни одного поколения. При этом поколение – это современно Христу и апостолам. Указание это имеет под собой данные из пророчества пророка Даниила, на которые ссылаются евангелисты. Иудея и Иерусалим были центром христианской ойкумены до иудейского восстания, результатом которого и стало разрушение Храма в 70 году. Характерно, что согласно повествованиям евангелистов, наступление космической катастрофы следует сразу после разрушения Иерусалима. Таким образом, пришествие Спасителя и разрушение Храма – события взаимосвязанные. С точки зрения Матфея и Марка в таком соположении этих двух событий нет ничего странного. Однако для Луки повторение за Матфеем и Марком приведет к неразрешимым богословским проблемам. Либеральная теология

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея. С.152.

делала из всего изложенного вывод о том, что предсказание Иисуса не сбылось. Комментируя мнение либералов, епископ Кассиан (Безобразов) отвергает подобные выводы, основываясь на Мк. 13:10 и параллельном месте Матфея: «Указание ст. 10 «во всех народах должно быть проповедано Евангелие», предполагает известный промежуток времени от начала христианской истории до наступления эсхатологических сроков. Евангелист (Марк) не имел оснований ожидать повсеместного распространения благовестия Христова. Как ни велики были успехи первых десятилетий, для таких ожиданий они не давали оснований. Тут явное противоречие: или в пределах жизни одного христианского поколения, или тогда, когда слово о Христе будет услышано всеми народами»¹. Однако рассуждая подобным образом мы можем отнести Второе и Славное Пришествие Господне вообще к необозримому будущему. Все современные исследования на тему эсхатологического характера первохристианских общин говорят о том, что слова Господа о близости Его прихода первые христиане понимали практически буквально. Консервативное крыло науки предлагало разделение предсказаний Иисуса на несколько слоев: на относящиеся к судьбам Иерусалима и на собственно эсхатологические. Эсхатологическую речь в том виде, в каком мы ее имеем сейчас, консерваторы относят результатам редакционной обработки материала. Однако подобную точку зрения чрезвычайно трудно обосновать на примере рукописного материала. По-видимому, прав епископ Кассиан (Безобразов), когда предлагает следующий выход из создавшегося богословского затруднения: «Даже если понимать «этот род» в смысле современного Христу первого христианского поколения, то и в этом случае мы должны считаться с тем, что центром христианского мира до конца шестидесятых годов был Иерусалим. Иудеохристианская община в Иерусалиме была в своей жизни тесно связана с жизнью иудейства,

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.121.

и конец иудейства в катастрофе 70 года имел значение топологическое»¹. Лука дает понять, что Царство имеет будущностный аспект, связанный с новым пришествием Христа, и тогда его приближение будет предварено знаменами (Лк. 21:31; у Матфея и Марка находим слова «близко», что еще раз свидетельствует о том, что Лука постоянно подразумевает Царство)². Как уже говорилось, это связано с тем, что в мировоззрении палестинских протохристианских общин доминировало эсхатологическое «близкое ожидание». Особенно этот мотив «ожидания» выражен у Марка. В Евангелии от Иоанна мы видим принципиальный отказ от «близкого ожидания» и перенос решающего эсхатологического совершения в прошлое: у него событие спасения впервые полностью отождествляется с приходом в мир Иисуса, воплощенного Логоса и Сына Божия. Что касается Луки, то он стоит посередине между свершившейся эсхатологией Иоанна и имеющей свершиться эсхатологией Марка и Матфея. Особенно это наглядно проступает при сравнении двух синоптических апокалипсисов: Марка – 13 глава и Луки 17 глава. Оба они начинаются с вопроса о времени конца. Однако у Луки этот вопрос задают Фарисеи, а не ученики. В обоих случаях Иисус отказывается назвать срок. В остальном ответ Иисуса, по Марку и по Луке, совершенно различен. Марк говорит о том, что никто не знает часа; можно лишь сказать, что придется пережить продолжительное время бедствий. Прежде должны совершиться знамения. Поэтому надо следить за тем, что происходит. В противоположность этому, в Лк. 17:20-37 ответ на вопрос о сроке звучит так: никто не знает его, несомненно лишь то, что конец наступит внезапно: конец приходит внезапно как молния (Лк. 17:24), как всемирный потоп (Лк. 17:26), как огненный дождь, проливающийся на Содом и Гоморру (Лк. 17:28-33), не успеете оглянуться, как наступит час великого разделения (Лк. 17:34). Текст заканчивается вопросом «Где это будет?» Иисус вновь отвечает уклончиво: «Где труп, там соберутся и орлы» (Лк. 17:37). Евангелист Матфей включает

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. С.122.

² Моррис Л. Указ. соч. С.173.

материал Луки в той мере, в какой он был известен ему, при этом включает его в апокалипсис Марка (Мф. 24:26-27,37-41). Таким образом, мы видим, что Марк делает упор на знамениях, а Лука на внезапности конца. Интересно отметить, как И. Иеремиас интерпретирует это наблюдение. Он убежден, что апокалипсис Луки более древний и составляет сердцевину учения Иисуса об эсхатологических свершениях. К подобным местам он относит, например, притчи и образные сравнения следующего содержания: ночной взломщик, возвращающийся хозяин дома, десять дев, слуга, которому поручен надзор, доверенные таланты, богатый хлебопашец, хождение к судье, дети на улице, предсказание погоды и приметы времени, ловушка птицелова и т.д. Вместе с тем апокалипсис Марка стоит в одном ряду с апокалипсисом Иоанна Богослова и апокалипсисом апостола Павла (2 Фес. 2:1-12), где также как и у Марка встречается большое количество образов – знамений. Иеремиас объясняет это тем, что первохристианская община, столкнувшись с проблемой задержки парусии, решала ее путем ссылок на ряд знамений, которые прежде должны свершиться¹.

Итак, мы видели, что в блоке, содержащем притчу о смоковнице далеко нет ясности о том, что же грядет и когда наступят события, предреченные Спасителем. Однако, по мнению митрополита Илариона «притча о бесплодной смоковнице показывает, что долготерпение Божие не безгранично: рано или поздно человек должен будет дать отчет о своих делах, о плодах, которые он принес или не принес»². Налицо несколько пластов предания, как бы мы их ни трактовали: либо в духе Иеремиаса, либо считая, что Лука адаптирует свой апокалипсис к ситуации возникающей после разрушения Иерусалима. Значение притчи ясно. Она призывает к бодрствованию у Луки и к рассмотрению знамений времен – у остальных двух синоптиков. Такое утверждение мы можем сделать на основании различия между эсхатологическими ожиданиями Луки и остальных

¹ Иеремиас И. Указ. соч. С.146.

² Иларион (Алфеев), митр. Указ. соч. С.314.

евангелистов. Ведь для последних знамения – знаки наступления конца века сего, а для первого – свидетельство того, что конец откладывается¹.

Притчей о смоковнице и других деревьях мы закончили рассмотрение притч, представленных в тройной традиции. Подводя итог данной главы, можно сказать, что мы видели, что евангелист Лука, изложение притч у которого нас интересовало в первую очередь, зачастую свободно использовал материал как Марка, так и гипотетического источника Q. Почти всегда отход евангелиста Луки от расположения материала у двух других синоптиков обуславливался особой богословской позицией Луки. Изменяя материал стилистически, он почти всегда преследовал какие-то свои цели. Однако и темы общие всем трем евангелистам присутствуют у него, получая лишь небольшое дополнительное звучание в контексте богословской мысли апостола Луки.

Выводы к третьей главе

Приведенные в данной главе дипломного исследования материалы позволяют сделать следующие **выводы**:

Евангелист Лука, излагая притчи, зачастую свободно использовал материал как ев. Марка, так и гипотетического источника Q. Почти всегда отход ев. Луки от расположения материала у двух других синоптиков обуславливался особой его богословской позицией. Изменяя материал стилистически, он почти всегда преследовал какие-то свои цели. Однако и темы общие всем трем евангелистам присутствуют у него, получая лишь небольшое дополнительное звучание в контексте богословской мысли апостола Луки.

Богословские установки апостола, наложили сильный отпечаток не только на содержательную сторону притч, но также и на формальную, т. Е. языковую. Апостол работает с материалом, известным ему из различных источников, перекомпоновывая его, порой опуская какие-то элементы текста,

¹ Лэдд Д.Э. Указ. соч. С. 224.

порой наоборот, добавляя то, чего мы не обнаруживаем у других евангелистов. Однако все подобные отступления от прочих евангельских текстов обусловлены, как мы видели, ясной богословской концепцией ап. Луки.

Заключение

В данной выпускной классификационной работе предпринята попытка осуществить выявление главных богословских особенностей притч Господа нашего Иисуса Христа в Евангелии от Луки из притч, представленных в синоптической традиции.

Итоги представлены в каждой главе данного дипломного исследования, опираясь на них, обобщим результаты и подведем наиболее важные выводы.

В **первой главе** дипломной работы, изучив такое явление как притчи Священного Писания Нового Завета, было установлено, что, это особый, сложный, с точки зрения лингвистики «речевой жанр» библейских повествований, которым нередко пользовался Господь Иисус Христос, беря примеры из природы и современной жизни. По своему происхождению притчи, как жанр, связаны с еврейским «машал»⁴ом (на иврите «машал» – сравнение), что в Ветхом Завете означает афоризм. Подобную же, но более сложную форму притчи мы находим и в Евангелии, где впервые появляются притчи-рассказы как важнейший элемент проповеди Христа.

Во **второй главе** выпускной квалификационной работы были выявлены общие богословские особенности в Евангелии от Луки, имеющие влияние на изложение притч. Исследованный материал позволяет сделать следующие выводы. В богословии Евангелия от Луки необходимо выделить несколько тем, на которых сам автор Евангелия делает особый акцент.

Самой значимой темой богословия притч ев. Луки является тема спасения человека, в контексте которой раскрываются темы любви и доброты Божией. Это подтверждается большим количеством приточного материала. Сюда можно отнести притчи о блудном сыне, о потерявшейся овце. Ближе к этой теме стоит тема милость. С одной стороны, радость человека, обретшего спасение, а с другой – радость Самого Бога от обретения заблудшего человека. Это прекрасно иллюстрирует притча о потерянной драхме.

Следующая тема - это тема роли Святого Духа в истории Иисуса Христа и Его учеников. Эта тема поднимается автором с первых строк своего Евангелия. Особенностью является то, что действие Святого Духа в мире описывается до Пятидесятницы.

Особое место занимает отношение евангелиста Луки к иудеям и язычникам. Адресатом большинства притч являются в значительной степени фарисеи. Их внешней праведности ев. Лука противопоставляет внутренние качества человека: милосердие, как в притче о самарянине, нищету, как в притче о богатом и Лазаре, смирение, как в притче о мытаре и фарисее. На место старого Закона приходит новый Закон, начертанный на скрижалях сердца. Характерно поэтому притча о молодом винограде и старых мехах говорит нам о пришествии нового века. Христос пришел не для того, чтобы латать изношенный иудаизм, Его учение радикально новое. Более того, Его учение универсально. Оно не делает различий между социальными и религиозными классами людей. Мы видели, с какой любовью к отверженным евангелист Лука относится на страницах своего Евангелия. В притчах это выражено особенно явно. Женщины – самые бесправные существа Востока – выведены у Луки во многих притчах, например, в притче о закваске. Отметим, что большинство притчного материала, в котором фигурируют женщины, относится к собственному материалу Луки. Среди тех, кого особенно часто вспоминает евангелист Лука в притчах Спасителя, выделяются бедняки в их противопоставлении богатым. Из-за развитого учения о бедности и богатстве многие исследователи называют Евангелие от Луки «социальным» Евангелием. Бедность у Луки ассоциируется с блаженством, а богатство – с погибелью. Нельзя не отметить также и такую тему богословия Луки, выраженную в приточной форме, как учение о Царстве, например, в притче о сеятеле. С этой темой близко связана тема необходимости непрестанной молитвы, которая каким-то особым образом связана с горением христианского сердца.

В области эсхатологии мы видели, что ев. Лука приспособливает притчи к изменившемуся эсхатологическому контексту, так как Евангелие писалось после разрушения Иерусалима. Основными здесь являются темы близости суда, необходимости покаяния и Божественной промедления. Характерной в этом отношении является притча о бесплодной смоковнице, а также притча о бодрствующих слугах.

В **третьей главе** дипломного исследования проанализировав богословские особенности притч в Евангелии от Луки относительно аналогичных притч, представленных в тройной традиции было установлено, что, ап. и ев. Лука широко использует приточный материал для иллюстрации своего богословия. Притчи у него, в большей степени, являются частью повествования о Спасителе, поскольку несут, чем у других синоптиков, очень большую смысловую нагрузку в его Евангелии. К этому остается только добавить, что и у других евангелистов синоптиков притчи играют большую роль для практического приложения тех или иных богословских положений. При этом каждый из евангелистов использует притчи, представленные в тройной и двойной традиции зачастую отлично от других. То есть каждый из евангелистов иллюстрирует притчами свою собственную богословскую концепцию. Отсюда понятно, что он и помещает их в другой контекст по сравнению с остальными евангелистами. В нашей работе мы везде, где только это представлялось оправданным, указывали на такое различное использование той или иной притчи авторами Нового Завета. Например, в случае притчи о светильнике под сосудом налицо такое разделение. Однако это разделение касается не только крупного единства (контекста), но также и текстуальных различий в евангельских повествованиях, что также хорошо видно из анализа притч.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2000. – 2186 с.
2. Аверкий (Таушев), архиеп. Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. – М.: ПСТГУ, 2005. – 840 с.
3. Бальтазар Х. У. Целое во фрагменте. – М.: Истина и жизнь, 2001. – 368 с.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. – М.: Русские словари, 1996. – 406 с.
5. Бухарев И., прот. Толкование на Евангелие от Луки. – М.: Типография товарищества И.Т. Снытина, 1902. – 168 с.
6. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. – 694 с.
7. Глубоковский Н. Н., проф. Святой апостол Лука, как евангелист и дееписатель. – София, 1932. – 203 с.
8. Грилихес Л., прот. Археология текста. Сравнительный анализ евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1999. – 89 с.
9. Грилихес Л., прот. Евангельские притчи и вне библейские языковые данные. – М.: Альфа и Омега, 2002. – 28 с.
10. Данн Д.Д. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства. – М.: Изд-во ББИ, 2009. – 523 с.
11. Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. – М.: ПСТГУ, 2011. – 416 с.
12. Десницкий А.С. Поэтика библейского параллелизма. – М.: ББИ, 2007. – 554 с.
13. Догматическая конституция о Божественном Откровении

«Dei Verbum» //Документы II Ватиканского собора. М.: Paoline, 2004. С. 284-299.

14. Иеремиас И. Богословие Нового Завета. Провозвестие Иисуса. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 366 с.

15. Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение: В 6 кн. Кн. 4: Притчи Иисуса. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. – 608 с.

16. Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Луки. – Париж: Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже, 2006. – 180 с.

17. Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Марка. – Казань, 2003. – 144 с.

18. Кассиан (Безобразов), еп. Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея. – Казань, 2003. – 168 с.

19. Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. – М.: YMCA-PRESS, 1992. – 374 с.

20. Роджерс Клеон Л. младший, Роджерс Клеон Л. III. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 2008. – 1008 с.

21. Лёзов С.В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. – М.-СПб.: Университетская книга, 1998. – 575 с.

22. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. Т.3. – СПб.: Приложение к журналу «Современник», 1913. – 568 с.

23. Лэдд Д.Э. Теория Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 2003. – 800 с.

24. Мануччи В. Библия – Слово Божие. – М.: Элита-Арт, 1996. – 116 с.

25. Маршалл Г. Толкование Нового Завета. – СПб.: Библия для

всех, 2004. – 487 с.

26. Моррис Л. Теология Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 1995. – 394 с.

27. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа /пер. еп. Кассиана (Безобразова). – М.: РБО, 2014. – 322 с.

28. Радостная весть. Новый Завет в переводе с древнегреческого /пер. В.Н. Кузнецовой – М.: РБО, 2001. – 350 с.

29. Рейлинг Дж., Свелленгребель Дж. Л. Комментарии к Евангелию от Луки: Пособие для переводчиков Священного Писания. – М.: РБО, 2000. – 896 с.

30. Смирнова Н. Рече Господь. Толкования на евангельские притчи. – М.: Лепта, 2011. – 713 с.

31. Канонические евангелия. – М.: Восточная литература, 1992. – 350 с.

32. Тренч, архиеп. Дублинский. Толкование притчей Господа нашего Иисуса Христа /Пер. с англ. А.З. Зиновьева. – М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1880. – 423 с.

33. Фи Г. Экзегетика Нового Завета. – СПб.: Библия для всех, 1995. – 129 с.

34. Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Святое Евангелие. – М.: Сибирская Благовонница, 2010. – 229 с.

35. Флоровский Г., прот. Догмат и история. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. – 487 с.

36. Юлихер А. Религия Иисуса и начало христианства до Никейского Собора. – М.: АСТ, 2001. – 656 с.

Приложения

Приложение 1. Притча о свече под спудом

«Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Итак, наблюдайте, как вы слушаете; ибо, кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (Лк. 8:16-18).

«Вы свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:14-16).

«И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу. Если кто имеет уши слышать, да слышит! И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мк. 4:21-25).

Приложение 2. Притча о ветхой одежде и заплате, о старых мехах и новом вине

«И далее никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани; ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и новые мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегаются то и другое» (Мф. 9:16-17).

«Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани:

иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие; иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые» (Мк. 2:21-22).

«При сем сказал им притчу: никто не приставляет заплаты к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплата от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого; ибо говорит старое лучше» (Лк. 5:35-37).

Приложение 3. Притча о сеятеле

«Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собрались к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы, и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли; и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние, и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать Тайны Царствия Небесного, а им не дано. Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет. Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют. И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «Слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце

людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их». Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали, Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле. Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, и тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумевающего, который и бывает плодоносен, так что иной в шестьдесят, а иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» (Мф. 13:1-23).

«И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле, у моря. И учил их притчами много, и в учении своем говорил им: Слушайте: вот, вышел сеятель сеять, и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли: и скоро взошло, потому что земля была неглубока; Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода. И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто. И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит! Когда же остался без народа, окружающие Его вместе с двенадцатью спросили Его о притче. И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими

глазами смотрят, и не видят, своими ушами слышат и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи. И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи? Сеятель слово сеет. Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходят сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их. Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его; но не имеют в себе корня и непостоянны: потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода. А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат» (Мк. 4:1-20).

«Когда же собралось множество народа, и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить притчею: Вышел сеятель сеять семя свое; и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его. А иное упало на камень, и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги. А иное упало между тернием и выросло терние и заглушило его. А иное упало на добрую землю, и, взойдя принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он же сказал: вам дано знать тайны Царства Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не понимают. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие. А упавшее при пути, это суть слушающие; к которым потом приходит Дьявол, и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись. А упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые, не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают. А упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими

подавляются, и не приносят плода. А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да услышит!» (Лк. 8:4-15).

Приложение 4. Притча о горчичном зерне

«Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13:31-32).

«И сказал: чему уподобим Царствие Божие? Или какой притчей изобразим его? Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; А когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так – что под тенью его могут укрываться птицы небесные» (Мк. 4:30-32).

«Он же сказал: чему уподоблю Царствие Божие, и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое взяв человек посадил в саду своем и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лк. 13:18-19).

Приложение 5. Притча о закваске

«Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф. 13:33).

«Еще сказал: чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Лк. 13:20-21).

Приложение 6. Притча о злых виноградарях

«Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградарям схвативши слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего, и с ними поступили также. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградары, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его. И схвативши его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои. Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла: это – от Господа, и есть дивно в очах наших?» Потому сказываю вам, что отнимается от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его; и то, кто упадет на этот камень, разобьется; а на кого он упадет, того раздавит. И слышав притчи Его первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит. И старались схватить Его; но побоялись народа, потому что Его почитали за пророка» (Мф. 21:33-45).

«И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник, и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился. И послал в свое время к виноградарям слугу – принять от виноградарей плоды из виноградника; они же, схвативши его, били и отослали ни с чем. Опять послал к ним другого слугу; тому камнем разбили голову и отпустили его с бесчестьем. И опять иного послал: и того убили; и многих других то били, то убивали. Имея же еще одного

сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство наше. И схватив его, убили и выбросили вон из виноградника. Что сделает хозяин виноградника? Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим. Неужели вы не читали сего в Писании: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла: это от Господа, и есть дивно в очах наших»? И старались схватить Его, но побоялись народа; ибо поняли, что о них сказал притчу; и оставив Его отошли» (Мк. 12:1-12).

«И начал Он говорить к народу притчу сию: один человек насадил виноградник, и отдал его виноградарям, и отлучился на долгое время; и в свое время послал к виноградарям раба, чтобы они дали ему плодов из виноградника; но виноградари, прибивши его, отослали ни с чем. Еще послал другого раба; но они и этого, прибивши и обругавши, отослали ни с чем. И еще послал третьего; но они и того изранивши выгнали. Тогда сказал господин виноградника: что мне делать? Пошлю сына моего возлюбленного; может быть, увидевши его постыдятся. Но виноградари, увидевши его, рассуждали между собою говоря: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше. И выведши его вон из виноградника, убили. Что же сделает с ними господин виноградника? Придет и погубит виноградарей тех и отдаст виноградник другим. Слышавшие же это сказали: да не будет! Но Он, взглянув на них, сказал: что значит сие, написанное: «камень который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»? Всякий, кто упадет на этот камень, разобьется; а на кого он упадет, того раздавит. И искали в это время первосвященники и книжники, чтобы наложить на Него руки; но побоялись народа; ибо поняли, что о них сказал Он эту притчу» (Лк. 20:9-19).

Приложение 7. Притча о смоковнице

«От смоковницы возьмите подобие: когда: ветви ее становятся уже

мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Мф. 24:32).

«От смоковницы возьмите подобие: когда: ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Мк. 13:28).

«И сказал им притчу: посмотрите на смоковницу и на все деревья: когда они уже распускаются, то, видя это, знаете сами, что уже близко лето» (Лк. 21:29-30).